

ДЖОН ГРИШЭМ

ВЕРДИКТ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Джон Гришэм

Вердикт

«АСТ»

1996

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Вердикт / Д. Гришэм — «АСТ», 1996

ISBN 978-5-17-103722-2

Обычный, казалось бы, процесс по иску вдовы американца, умершего от рака легких, против табачной корпорации... Ничто не предвещает неожиданностей. Но могущественные «теневые команды» стремятся навязать суду нужный им вердикт, и жюри присяжных вдруг становится совершенно неуправляемым...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-103722-2

© Гришэм Д., 1996
© АСТ, 1996

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джон Гришэм

Вердикт

Уже не впервые я выражаю признательность моему другу Уиллу Дентону, живущему теперь в Билокси, штат Миссисипи, за многочисленные находки и огромное количество рассказанных им историй, которые и легли в основу этой книги; а также его милой жене Люси за гостеприимство, оказанное мне во время моего пребывания на побережье.

Благодарю также Глена Ханта из Оксфорда, Марка Ли из Литл-Рока, Роберта Уоррена из Бог-Читто и Эстеллу, обратившую мое внимание на такое количество ошибок, какое я и представить себе не мог.

© John Grisham, 1996

© Перевод. И.Я. Дороница, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Глава 1

Лицо Николаса Истера было почти скрыто за демонстрационным стендом, заставленным новейшими радиотелефонными аппаратами. К тому же он смотрел не в направленный на него объектив скрытой камеры, а куда-то влево, вероятно, на покупателя или на группу ребятишек, нависавших над прилавком с новейшими электронными играми из Азии. Хотя снимок был сделан с расстояния сорока ярдов и фотографу мешало множество прохожих на улице, отделявшей его от объекта, фотография вышла четкая, на ней было запечатлено милостивое мальчишеское, с резко выраженными чертами лицо. Истеру двадцать семь лет, это известно наверняка. Очков не носит. Никаких колечек в носу, стрижка строгая. Ничего, что позволило бы заподозрить его в принадлежности к безумному племени фанатов-компьютерщиков, которые работали в магазине за пятерку в час. В досье сказано, что он служил здесь четыре месяца, а также что он – студент-заочник, хотя в радиусе трехсот миль не удалось обнаружить колледжа, в списках которого он числился. На этот счет он лгал, тут сомнений не было.

Это и понятно, ведь их разведка работала безупречно. Если бы парень действительно учился, они бы знали, где, как давно, чему он учился и хорошо ли, плохо ли. Уж они-то знали бы все. Он был служащим отдела компьютеров в торговом центре. Ни больше ни меньше. Может быть, он собирался куда-нибудь поступить. А может быть, бросил учебу, но ему нравилось называть себя студентом-заочником. Вероятно, так он чувствовал себя увереннее, это давало ощущение того, что у него есть цель в жизни, да и звучало солидно.

Но он не был студентом, ни сейчас, ни в обозримом прошлом он никаким студентом не был. Так можно ли ему доверять? Всю эту информацию люди, собравшиеся в комнате, обсудили уже дважды, дважды останавливались на его имени в сводном списке, в то время как на экране высвечивалась фотография Истера. И почти пришли к общему мнению, что ложь его была невинной.

Он не курил – в магазине курение было строго запрещено, – но видели (не на снимке), как он ел тако в кафе «Фуд гарден» в обществе коллеги, которая, потягивая лимонад, выкурила две сигареты. Судя по тому, что Истера это не раздражало, он не был ревностным противником курения.

Лицо на фотоснимке было худое, загорелое, губы слегка растянуты в улыбке. Белая рубашка с воротом без пуговиц на уголках, форменный красный пиджак, как у всех продавцов, элегантный полосатый галстук. Опрятный, поддерживающий хорошую форму служащий. Фотограф притворился покупателем, который ищет некое редкое техническое устройство, и сумел поговорить с Николасом. Тот произвел на него впечатление знающего, услужливого, обаятельного молодого человека с хорошей речью. В визитной карточке на его груди значилось: «Помощник управляющего», однако такие же визитки носили еще двое служащих, находившихся одновременно с ним в торговом зале.

На следующий день после того, как был сделан снимок, привлекательная девушка в джинсах вошла в магазин и, делая вид, что разглядывает витрину, закурила. Николас Истер оказался к ней ближе других продавцов, или «помощников управляющего», или кем он там был. Он подошел к женщине и вежливо попросил ее погасить сигарету. Она притворилась, что ее это расстроило, даже обидело, и попыталась его спровоцировать на ссору. Однако он по-прежнему тактично и терпеливо объяснял даме, что в магазине приняты строгие правила, запрещающие курение. Она может покурить где-нибудь в другом месте. «Вас раздражает курение?» – спросила девушка, выпуская дым. «Не во мне дело, – ответил он. – Курение раздражает хозяина магазина». И он снова попросил ее погасить сигарету. Она объяснила, что хочет купить новый приемник, и попросила его принести пепельницу. Николас достал

из-под прилавка пустую жестянку из-под воды, взял у покупательницы окурок и загасил его. Минут двадцать они беседовали о приемниках, так как женщина никак не могла сделать выбор. Она бессовестно флиртowała, и он явно воодушевился. Расплатившись за радиоприемник, она оставила ему свой телефон. Он обещал позвонить.

Вся сцена продолжалась двадцать четыре минуты и была записана на маленький диктофон, спрятанный в ее сумочке. Пленку тоже прослушали дважды, пока на экране светилась фотография Истера, которую изучали собравшиеся юристы и эксперты. Письменный отчет о посещении магазина был приложен к делу – шесть страниц, в которых описывались все подробности, включая обувь (старые найковские туфли), запах изо рта (коричневая жвачка), манеру речи (уровень студента колледжа) и то, как он взял в руку сигарету. По мнению автора доклада, а она была опытна в таких делах, он никогда не курил.

Приятный тембр его голоса, профессиональное умение уговорить покупателя и вести легкую беседу им понравились. Он казался весьма сообразительным и не был табаконенавистником. Не идеальный присяжный, но присмотреться стоит. Проблема заключалась в том, что им было слишком мало известно об Истере – потенциальном присяжном заседателе, значившемся в списке кандидатов под номером пятьдесят шесть. Очевидно, сюда, на побережье, он прибыл меньше года назад, и они понятия не имели откуда. Его прошлое тонуло в неизвестности. В Билокси, в восьми кварталах от здания городского суда, он снял квартиру с одной спальней – у них имелась фотография дома – и поначалу работал официантом в казино на берегу. Быстро вырос до крупье-банкомета в блек-джек, но через два месяца ушел из казино.

Вскоре после того, как в Миссисипи были официально разрешены азартные игры, вдоль побережья в мгновение ока выросло с дюжину подобных заведений, весьма способствовавших процветанию региона. Сюда в поисках работы потянулись люди со всех концов, и было естественно предположить, что Николас Истер приехал в Билокси за тем же, за чем прибыли и десять тысяч других искателей заработка. Единственной странностью казалось то, что он моментально по прибытии зарегистрировался как избиратель.

Ездил он на «фольксвагене битл» 1969 года выпуска – фотоснимок автомобиля сменил на экране портрет самого Истера. Подумаешь! Самая подходящая машина для двадцатилетнего одинокого якобы студента-заочника. Никаких наклеек на бампере. Ничего, что указывало бы на политические пристрастия, общественную позицию или любимую спортивную команду. Нет и пропуска на стоянку колледжа. Даже выцветшей эмблемы казино. Машина не говорила о своем хозяине ничего, насколько они могли понять. Ничего, кроме того, что он – почти нищий.

Проектором управлял, давая большую часть объяснений, Карл Нассмен, адвокат из Чикаго, – он оставил практику и открыл собственную консультацию по подбору жюри присяжных. При известном везении Карл Нассмен и его сотрудники могли помочь отобрать оптимальный состав жюри. Они собирали все данные, делали фотографии, записи голосов и подсылали к кандидату в нужный момент блондинок в обтягивающих джинсах. Карл и его коллеги балансировали на грани законности и этических норм, но поймать их было невозможно. В конце концов, что незаконного или неэтичного в том, чтобы фотографировать предполагаемых присяжных? Полгода назад они провели интенсивный телефонный опрос в округе Гаррисон, месяца через два – еще один, спустя месяц еще, чтобы выяснить, каковы настроения в обществе относительно доходов от продажи табака, и на основании этого представить модель идеального жюри присяжных. Они не упускали ни единой возможности что-то сфотографировать, порыться в чужом грязном белье. У них было досье на каждого, кто гипотетически мог бы войти в жюри.

Карл нажал на кнопку, и снимок «фольксвагена» сменился невыразительным снимком многоквартирного дома с облупившейся краской, дома, находящегося где-то неподалеку, в котором жил Николас Истер. Щелчок – и на экране снова портрет.

– Выходит, у нас только три фотографии, относящиеся к номеру пятьдесят шестому, – сказал Карл с ноткой растерянности в голосе, оборачиваясь к фотографу – одной из бесчисленных своих ищеек. Тот объяснил, что ему никак не удавалось подкрасться к парню, оставаясь при этом незамеченным. Фотограф сидел на стуле у дальней стены лицом к длинному столу, за которым собрались юристы, эксперты и их полулегальные помощники. Ему все это порядком надоело; улизнуть бы, думал он, ведь пятница, семь часов вечера! А на экране только пятьдесят шестой, впереди еще сто сорок. Выходные обещали быть ужасными. Надо выпить.

Полдужины юристов в мятых сорочках с закатанными рукавами делали бесконечные заметки в блокнотах, время от времени бросая взгляды на Николаса Истера, чье лицо светилось на экране. Эксперты в самых разных областях – психиатры, социологи, графологи, профессора-юристы и так далее – шуршали бумагами и колошматили компьютерные распечатки. Они не знали, что делать с Истером. Он был лжец и скрывал свое прошлое, но по документам и по фотографии подходил.

А может, он не лгал? Может, в прошлом году он учился в каком-нибудь дешевом колледже в восточной Аризоне, который они просто пропустили?

«Дайте парню отдохнуть», – подумал фотограф, но промолчал. Среди этих образованных и высокооплачиваемых шишек он был последним, чье мнение кого-то интересовало. Разговаривать – не его дело.

Карл откашлялся, еще раз взглянув на фотопортрет, и сказал:

– Номер пятьдесят семь.

На экране высветилось потное лицо молодой мамыши, и по крайней мере двое из находившихся в комнате рассмеялись.

– Трейси Уилкс, – объявил Карл, словно Трейси была их старой приятельницей. Все стали передавать друг другу бумаги. – Тридцать три года, замужем, двое детей, муж – врач.

Будучи членом двух загородных, двух спортивных и кучи прочих клубов, Карл выдергивал эти сведения из памяти, одновременно орудуя кнопками проектора. Вместо красного лица Трейси на экране возник снимок, запечатлевший ее во время бега трусцой по тротуару: великолепный розово-черный эластичный спортивный костюм, новенькие кроссовки «Рибок», белый козырек от солнца, нависающий над последним словом солнцезащитной оптики, красующимся на носу, длинные волосы, собранные в аккуратный «конский хвостик». Перед собой толкает коляску с грудным ребенком, специально приспособленную для подобных пробежек мамыши. Трейси трудится, можно сказать, в поте лица. Стройная и загорелая, она не так худа, как порой кажется. Имеет кое-какие дурные привычки. Следующий снимок: Трейси в своем «мерседесе»-фургоне с детьми, из каждого окна выглядывает собачья морда. А вот Трейси загружает багажник продуктами. Трейси в спортивных тапочках и плотно облегающих шортах с видом человека, вознамерившегося сохранить атлетическую форму до конца жизни. Ей нетрудно будет осуществить свое намерение, потому что она буквально загоняет себя всякого рода деятельностью, у нее минутки нет, чтобы хотя бы оглянуться по сторонам.

Карл прокрутил фотографии дома Уилксов: массивный трехэтажный загородный особняк всем своим видом просто кричал, что в нем живет преуспевающий доктор. На этих снимках Карл долго не задержался, самое интересное он приберег напоследок: Трейси, опять насквозь пропотевшая, сидит в парке под деревом в безлюдном местечке, рядом в траве лежит ее изысканный велосипед, и она курит!

Фотограф глуповато ухмыльнулся. Это была его лучшая работа – сделанный с расстояния ста ярдов снимок докторской жены, украдкой пускающей дым. Он понятия не имел, что она курит, просто сам остановился покурить у пешеходного мостика, как вдруг она пронеслась мимо. Он почти час слонялся по парку, пока не увидел, как она остановилась и полезла в «бардачок», пристегнутый к седлу велосипеда.

При виде Трейси, сидящей под деревом, все на минуту повеселели. Карл заметил:

– Можно с уверенностью сказать, что номер пятьдесят семь мы берем. – Он сделал пометку на листке бумаги и отхлебнул кофе из бумажного стаканчика. Конечно, он возьмет Трейси Уилкс! Кому не хочется иметь в составе жюри жену доктора, когда адвокаты истца требуют миллионы? Карл, будь его воля, все жюри составил бы из докторских жен, да где ж их набрать столько! А то, что она балуется сигаретами, – всего лишь маленькая компенсация за множество ее достоинств.

Пятьдесят восьмым номером оказался рабочий с верфи в Инголсе, из Пасагулы – пятидесятилетний белый мужчина, разведенный, профсоюзный деятель. Карл дал на экран снимок его «форда»-пикапа и приступил к изложению сведений, когда дверь открылась и в комнату вошел мистер Рэнкин Фитч. Карл осекся. Юристы подтянулись и, внимательнейшим образом разглядывая «форд», бешено застрочили в своих блокнотах, словно опасались никогда больше не увидеть подобного автомобиля. Консультанты тоже изобразили сумасшедшую активность, с серьезнейшим видом делая какие-то записи, – только бы не смотреть на вошедшего.

Фитч вернулся. Фитч был в комнате.

Он медленно прикрыл за собой дверь, сделал несколько шагов по направлению к столу и обвел взглядом всех сидевших за ним. Набрякшие мешки под его потемневшими глазами обвисли. Глубокие морщины, пересекавшие лоб, сошлись вместе. Массивная грудь тяжело вздымалась и опускалась, в течение нескольких минут казалось, что Фитч – единственный, кто вообще дышит в этой комнате. Он размыкал уста, лишь чтобы есть и пить, иногда – чтобы говорить, но никогда – чтобы улыбнуться.

Фитч, по своему обыкновению, сердился, в этом не было ничего нового, потому что враждебное выражение не сходило с его лица даже во время сна. Вопрос лишь в том, будет ли он ругаться, угрожать, даже бросаться предметами или злоба будет безмолвно кипеть в нем? С Фитчем этого никогда нельзя знать заранее. Он остановился у края стола между двумя молодыми адвокатами, что состояли младшими партнерами в фирме и получали за это кругленькие жалованья, выразившиеся в шестизначных цифрах. Они были здесь у себя – здание принадлежало их фирме. Фитч, напротив, был чужаком из Вашингтона, незванным гостем, чье рычание и гавканье вот уже месяц оглашало помещения фирмы, но ни один из молодых адвокатов не посмел поднять на него глаза.

– Какой номер? – спросил Фитч у Карла.

– Пятьдесят восьмой, – поспешно и услужливо ответил Карл.

– Вернитесь к пятьдесят шестому, – приказал Фитч.

Карл быстро защелкал кнопками, пока на экране снова не возникло лицо Николаса Истера. За столом кипела бумажная работа.

– Что вы узнали? – спросил Фитч.

– Ничего нового, – глядя в сторону, ответил Карл.

– Замечательно, поздравляю! О ком еще из ста девяноста шести человек вы по-прежнему ничего не знаете?

– О восьми.

Фитч сердито запыхтел и медленно покачал головой; все замерли в ожидании вспышки ярости. Однако Фитч, глядя на Карла, несколько секунд медленно гладил свою тщательно подстриженную пегую козлиную бородку, давая улечься гневу, а потом сказал:

– Будете работать до полуночи, завтра начнете в семь утра. То же самое в воскресенье, – после чего развернул кругом свое коротенькое толстое тело и вышел.

Хлопнула дверь. Атмосфера значительно разрядилась, и все – адвокаты, консультанты, Карл – как по команде посмотрели на часы. Только что им приказали провести тридцать девять из предстоящих пятидесяти трех часов в этой комнате, пялясь на увеличенные снимки, которые они уже сто раз видели, запоминая имена, даты рождения и факты жизни почти двух сотен людей.

И ни у кого не появилось ни малейшего сомнения в том, что все они сделают в точности то, что им велено. Ни малейшего.

Фитч направился по лестнице на второй этаж, там его поджидал личный шофер, огромный мужчина по имени Хосе. Хосе носил черную куртку, черные сапоги, как у героев вестернов, и черные солнцезащитные очки, которые он снимал, только когда принимал душ и спал. Фитч без стука распахнул очередную дверь и прервал совещание, которое шло уже несколько часов. Четверо адвокатов со своими помощниками просматривали видеозапись допроса первого свидетеля истца. Изображение на экране замерло через секунду после того, как Фитч ворвался в комнату. Он коротко переговорил с одним из адвокатов и вышел. Хосе сопровождал его, они прошли через узкий зал библиотеки и оказались в другом коридоре. Там Фитч ворвался еще в одну дверь и напугал еще одну компанию адвокатов.

Фирма «Уитни, Кейбл и Уайт», в которой работали восемьдесят юристов, была крупнейшей на побережье залива. Отбор сотрудников осуществлял сам Фитч, благодаря чему фирма зарабатывала миллионы на гонорарах. Но за это сотрудникам приходилось терпеть тиранию и беспардонность Рэнкина Фитча.

Удостоверившись, что все, кто находится в здании, отдают себе отчет в том, что он здесь, на месте, и со страхом в любой момент ждут его внезапного появления, Фитч отбыл. Он стоял на тротуаре, вдыхая теплый октябрьский воздух, и ждал Хосе. На верхнем этаже банка, расположенного в трех кварталах отсюда, светились множество окон. Враг не дремал. Там были адвокаты истца, они склонялись над столами в разных кабинетах, встречались с экспертами, рассматривали фотографии, то есть делали приблизительно то же самое, что и его люди. В понедельник судебный процесс начнется с отбора присяжных, и Фитч знал, что неприятель тоже потеет над именами, лицами и тоже пытается разузнать, кто же такой Николас Истер и откуда он взялся. И Рамон Каро, и Лукас Миллер, и Эндрю Лэмб, и Барбара Ферроу, и Делорес де Бо... Кто все эти люди? Только в таком болоте, как Миссисипи, еще можно найти столь допотопный список кандидатов в присяжные. Перед тем Фитч организовывал защиту по восьми делам, в восьми разных штатах, где все делалось на компьютерах, все списки были тщательно проверены и где, получая список от клерка, не нужно было беспокоиться, что кто-нибудь из поименованных в нем окажется покойником.

Невидящим взглядом уставившись на огни вдалеке, он подумал: как, интересно, эти прожорливые акулы будут делить деньги, если им посчастливится выиграть дело? Да они ни за что на свете не смогут поделить между собой эту чертову тушу. Суд покажется легкой стычкой по сравнению с тем, что начнется потом, когда они вцепятся друг другу в глотки, если вердикт будет в их пользу и они получают все трофеи.

Фитч ненавидел их. Он сплюнул на тротуар и зажег сигарету, крепко зажав ее в толстых пальцах.

Хосе подал к кромке тротуара взятый напрокат сияющий автомобиль с затемненными стеклами. Фитч привычно уселся на переднее сиденье. Когда они проезжали мимо банка, Хосе тоже взглянул на освещенные окна вражеского логова, но не произнес ни слова, потому что хозяин не любил болтовни. Они миновали здание суда Билокси и полузаброшенный

дешевый магазин, где у Фитча и его подчиненных был потайной офис с полами, покрытыми свежей стружкой, и дешевой мебелью, взятой в аренду.

Потом они повернули на запад, въехали на шоссе номер 90, ведущее к побережью, и влились в плотный поток автомашин. По пятницам вечерами казино заполняли люди, проигрывавшие здесь деньги, нажитые днем в бакалейных лавках, и лелеющие честолюбивые надежды отыграться в следующий раз. Машина с трудом выбралась из Билокси. Они проехали порт, Лонг-Бич и Пасс-Кристиан. Затем свернули в сторону от побережья и скоро оказались на пропускном посту неподалеку от лагуны.

Глава 2

Дом на берегу в стиле модерн был построен с размахом, но без учета прибрежного местоположения. Белый волнорез уходил далеко в стоячую, заросшую водорослями бухту, при этом до ближайшего песчаного пляжа было не менее двух миль. Привязанная к волнорезу, на воде покачивалась двадцатифутовая рыбачья лодка. Дом арендовали у некой сомнительной личности из Нового Орлеана: срок – три месяца, оплата наличными, никаких вопросов. Его временно использовали как убежище, потайное местечко, где при необходимости мог переночевать кое-кто из весьма важных людей.

На террасе, нависавшей высоко над водой, четыре джентльмена коротали время за выпивкой и беседой в ожидании гостя. Хотя в сфере бизнеса они обычно были непримиримыми врагами, сегодня эти мужчины сыграли партию в гольф, после чего насладились креветками и устрицами на гриле. Теперь вот сидели и выпивали, глядя на черную воду далеко внизу. Им было ненавистно то, что приходится терять вечер пятницы здесь, на побережье залива, вдали от своих семей.

Но именно здесь назревало предприятие жизненной важности, оно требовало временного перемирия и делало пребывание на побережье едва ли не приятным. Все четверо были представителями советов директоров больших частных корпораций. Активы каждой из этих корпораций, игравших огромную роль на Нью-йоркской фондовой бирже, превышали 500 миллионов долларов. Наименее крупная из них в прошлом году провернула сделки на шестьсот миллионов, самая крупная – на миллиард. Все они имели рекордные прибыли, огромные дивиденды, счастливых держателей акций и советы директоров, зарабатывавших своей деятельностью миллионы.

Каждая представляла собой некий конгломерат различных дочерних подразделений, которые давали солидную прибавку к бюджету; назывались они весьма невыразительно, к примеру, «Трелко» или «Смит Грир», для того чтобы отвлечь общественное внимание от того факта, что на самом деле выходили за рамки обычных компаний, торгующих табаком. Каждая из этих компаний, составлявших Большую четверку, как называли ее в финансовых кругах, вела свое происхождение от табачных брокеров, еще в XIX веке обосновавшихся в Каролине и Виргинии. Они делали сигареты – на долю этих четырех корпораций приходилось девяносто восемь процентов всех сигарет, продававшихся в Соединенных Штатах и Канаде. Производили они также кукурузные хлопья и краску для волос, но, копнув глубже, нетрудно было обнаружить, что основную прибыль давали им сигареты. Фирмы сливались, меняли названия, предпринимали всевозможные усилия, чтобы обелить себя в глазах общественности, но часть потребителей, врачи и даже политики подвергали Большую четверку обструкции и поливали ее грязью.

А теперь за них принялись адвокаты и родственники умерших от рака легких. Стали утверждать, что их продукция является причиной рака легких, и требовать от них огромные денежные компенсации. Уже состоялось шестнадцать процессов, Большая четверка табакопроизводителей выиграла их все, но давление росло. Стоит суду присяжных присудить какой-нибудь вдове несколько миллионов, и плотина будет прорвана. Судебные обвинители станут неуправляемы, раззвонят повсюду, что есть прецедент, и будут подбивать курильщиков и родственников умерших курильщиков возбуждать все новые и новые дела.

Обычно эти мужчины говорили на другие темы, но сейчас виски развязало им языки. Они исходили злобой. Опершись на перила террасы и глядя на воду, они на чем свет ругали адвокатов и американское гражданское право. Каждая из компаний тратила миллионы на подкуп неких людей в Вашингтоне, пытавшихся инициировать пересмотр гражданского законодательства, с тем чтобы корпорации, подобные этим табачным монстрам, оказались

освобожденными от судебной ответственности. Требовался щит, способный оградить их от нападков предполагаемых жертв. Но пока ничего не получалось. И вот они маются здесь, в этом захудалом Миссисипи, в ожидании очередного процесса.

Для борьбы с возросшим давлением со стороны судов Большая четверка создала общий денежный фонд, который назывался просто Фондом. Он не имел официального статуса, никому не был подотчетен. Его как бы и не существовало вовсе. Предназначался он для применения самых радикальных мер: чтобы нанимать самых лучших и наименее щепетильных адвокатов, самых ловких экспертов и консультантов – наиболее изощренных в подборе присяжных. Полномочия тех, кто распоряжался Фондом, были безграничны. Одержав шестнадцать побед в суде, они почти обрели уверенность, что Фонд всесилен. Каждая компания отстегивала в Фонд ежегодно по три миллиона и «водила» эти деньги по счетам до тех пор, пока они, не оставив никаких следов, не оседали в Фонде. Ни один бухгалтер, ни один аудитор, ни один распорядитель ни разу не «поймал» этих «левых» денег.

Управлял Фондом Рэнкин Фитч – человек, которого они дружно презирали, но к которому тем не менее прислушивались. При необходимости они даже повиновались ему. Сейчас они ждали именно его, собравшись по первому его зову. Они вообще расходились и собирались по его команде. Покуда он выигрывал дела, они, смиряя гордыню, оставались у него на побегушках. Фитч без потерь вывел их уже из восьми процессов. Кроме того, в двух разбирательствах он инсценировал процессуальные нарушения, что, разумеется, было недоказуемо.

На террасе появился помощник с подносом, он принес коктейли, смешанные в соответствии со вкусом каждого из присутствующих. Едва мужчины успели поднять стаканы, как кто-то произнес: «Фитч приехал». Как по команде все четверо быстро опорожнили стаканы с крепкими напитками, поставили их на стол и перешли внутрь берлоги, пока Хосе парковал машину перед парадным входом. Помощник принес Фитчу минеральную воду без льда – тот не пил, хотя в былые годы осушил целую реку спиртного. Фитч не стал благодарить помощника, он даже не заметил его присутствия; пройдя к ложному камину, он остановился там, ожидая, пока все четверо рассядутся вокруг него на диванах. Еще один помощник отважился приблизиться к нему с тарелкой оставшихся жареных креветок и устриц, но Фитч сделал ему знак убираться. Ходили слухи, что иногда он все же ест, но никому не удавалось застать его за этим процессом. Результат был налицо: толстая, колышущаяся грудь и смазанная линия талии, обвисший подбородок под эспаньолкой, грузность фигуры. При этом Фитч одевался в темные костюмы, никогда не расстегивал на людях пиджак и умел носить свою тушу с непередаваемой важностью.

– Краткая информация, – произнес он, сочтя, что дал достаточно времени боссам, чтобы устроиться. – Команда работает без перерывов, включая и выходные. В настоящий момент отбираются кандидаты в присяжные. Состав защитников уже определен. Свидетели проинструктированы, все эксперты на месте. Никаких неожиданных осложнений пока не возникло.

Наступила пауза, длившаяся ровно столько, сколько было необходимо, чтобы убедиться, что Фитч пока закончил.

– А как насчет присяжных? – спросил Д. Мартин Дженкл, самый нервный из компании. Он возглавлял «Ю. таб.», так прежде называлась фирма «Юнион табако», до того как ее переименовали в «Пинекс» в соответствии с рекомендацией маркетингового исследования. В нынешнем процессе «Вуд против «Пинекса» Дженкл был основной мишенью. Компания «Пинекс» являлась третьей по значимости из четырех компаний, объем ее продаж составлял два миллиарда в год. Она также была держательницей самых больших наличных резервов четверки. Сроки заседаний суда оставались неопределенными. При малейшем невезении

присяжным могла вскоре открыться картина состояния финансов фирмы – аккуратненькие колонки цифр, подтверждающие излишек наличности в восемьсот миллионов долларов.

– Мы работаем над списком, – ответил Фитч. – Недостаточной остается информация о восьми кандидатах. Четверо из них могут оказаться умершими или уехавшими. Четверо остальных живехоньки, и в понедельник ожидается их прибытие в суд.

– Одного негодяя достаточно, чтобы все жюри оказалось испорченным, – сказал Дженкл. До того как поступить в «Ю. таб.», он работал юрисконсультантом в одной луисвилль-ской корпорации и всегда напоминал Фитчу, что разбирается в законах лучше трех остальных коллег.

– Мне это прекрасно известно, – огрызнулся Фитч.

– Нам нужно знать об этих людях все.

– Мы делаем все возможное. Что ж поделаешь, если здесь списки гораздо более устаревшие, чем в других штатах.

Дженкл сделал порядочный глоток и уставился на Фитча. В конце концов, Фитч лишь хорошо оплачиваемый головорез, его положение и близко нельзя сравнить с положением представителя совета директоров крупнейшей компании. Назови его как угодно – советником, агентом, подрядчиком, – суть не меняется, он работает на них. Да, сейчас он наделен некоторыми особыми полномочиями, это он нажимает на кнопки, потому-то и расхаживает с таким важным видом и постоянно гавкает, однако, черт побери, по сути дела, он всегнанавсего пусть и незаурядный, но мошенник. Эти мысли Дженкл держал при себе.

– Вы доверяете этим адвокатам? – спросил он в который раз.

– Мы уже обсуждали это, – ответил Фитч.

– Если я сочту нужным, обсудим еще.

– Почему вы так волнуетесь насчет наших адвокатов? – спросил Фитч.

– Потому что... Ну, потому что они здешние.

– Понимаю. И вы полагаете, что было бы разумнее привезти сюда адвокатов из Нью-Йорка, чтобы они имели дело с местным жюри? Или, может быть, из Бостона?

– Нет, просто... Ну они же никогда не выступали по табачным делам.

– На побережье прежде не рассматривалось никаких табачных дел. Вы чем-то недовольны?

– Просто они меня беспокоят, вот и все.

– Мы наняли самых лучших из местных юристов, – сказал Фитч.

– А почему они согласились работать за такую ничтожную плату?

– Ничтожную? На прошлой неделе вас беспокоили большие расходы. Теперь – то, что наши адвокаты мало запросили. Вы уж решите как-нибудь, чего вы хотите.

– В прошлом году в Питтсбурге мы платили адвокатам по четыреста баксов в час. Здесь ребята работают за двести. Меня это настораживает.

Фитч перевел взгляд на Лютера Вандемиера, представителя «Трелко», и спросил:

– Я, может быть, чего-то не понимаю? Он это серьезно? Речь идет о пяти миллионах, а он боится, что я прикараманиваю копейки. – Фитч махнул рукой в сторону Дженкла. Вандемиер улыбнулся и взял стакан.

– В Оклахоме вы потратили шесть миллионов, – сказал Дженкл.

– И мы выиграли дело. Не помню, чтобы после вынесения вердикта были какие-то жалобы.

– Я и сейчас не жалуясь. Я просто высказываю сомнение.

– Великолепно! Я сейчас поеду в офис, соберу всех адвокатов и сообщу им, что мои клиенты недовольны счетами. Я им скажу: «Слушайте, ребята, я знаю, что вы на нас наживаетесь, но этого недостаточно. Мои клиенты желают, чтобы вы требовали больше. Давайте! Вы, парни, скромничаете». Как, по-вашему, хорошая идея?

– Успокойтесь, Мартин, – сказал Вандемиер. – Суд еще не начался. Уверен: прежде чем мы отсюда уедем, наши собственные адвокаты еще попьют нашей кровушки.

– Да, но это не такой процесс, как прежние. Мы все это знаем. – Дженкл запнулся, подняв ко рту стакан. У него были проблемы с выпивкой, из четверых – только у него. Полгода назад компания, избегая огласки, заставила его лечиться, но сейчас, накануне процесса, напряжение оказалось для него слишком сильным. Фитч, сам бывший алкоголик, понимал, что Дженкл на грани. А через несколько недель ему предстояло выступать в качестве свидетеля.

Как будто у него, Фитча, и без того мало забот – теперь вот еще обуза: не дать Д. Мартину Дженклу «развязать». Фитч ненавидел его за слабоволие.

– Полагаю, адвокаты истца хорошо подготовились, – заметил другой представитель совета директоров.

– Нетрудно догадаться. – Фитч пожал плечами. – И их немало.

По последним подсчетам, восемь. Восемь крупнейших фирм страны, занимающихся гражданскими правонарушениями, скинулись по миллиону, чтобы финансировать этот показательный процесс против табакопроизводителей. Они нашли истицу – вдову некоего Джеккоба Л. Вуда и прекрасную арену для битвы – побережье залива в штате Миссисипи, где действует миленький гражданский кодекс и где присяжные имеют обыкновение проявлять сострадание. Судью, правда, выбирали не адвокаты истицы, но и они сами вряд ли смогли бы найти лучшего – Его честь Фредерик Харкин до того, как инфаркт усадил его в судейское кресло, выступал адвокатом по судебным искам.

Нынешнее дело не было обычным делом против производителей табака, и все присутствовавшие отдавали себе в этом отчет.

– Сколько они потратили?

– У меня нет доступа к этой информации, – ответил Фитч. – По слухам, их казна может оказаться не столь богатой, как они пытаются это представить, вероятно, у них есть проблемы со сбором начальной суммы. Но они уже затратили миллионы. И существует около дюжины потребительских обществ, готовых ринуться в бой на их стороне.

Дженкл сгрыз свой лед, затем допил все до последней капли. Это был уже четвертый стакан. В комнате с минутой стояла тишина: Фитч ждал, стоя у камина, остальные разглядывали ковер.

– Как долго будет продолжаться процесс? – спросил наконец Дженкл.

– От четырех до шести недель. Отбор присяжных здесь проходит быстро. Вероятно, к среде жюри будет составлено.

– В Аллентауне суд шел три месяца, – напомнил Дженкл.

– Здесь не Канзас. Вы что, хотите, чтобы вся эта бодряга длилась три месяца?

– Нет, я просто... – печально начал Дженкл, но осекся.

– Сколько еще нам придется проторчать здесь? – спросил Вандемиер, инстинктивно взглянув на часы.

– Мне все равно. Можете уезжать хоть сейчас, а можете ждать, пока утвердят состав жюри. У вас у всех ведь есть эти огромные самолеты. Будет нужно – я найду вас. – Фитч поставил свой стакан с водой на каминную доску, обвел взглядом комнату и вдруг решил, что ему больше делать здесь нечего. – Что-нибудь еще?

Ни слова в ответ.

– Отлично.

Выходя из парадной двери, он сказал что-то Хосе и отбыл. Оставшиеся молча разглядывали шикарный ковер. Их тревожил понедельник. Их тревожило и многое другое.

Дженклу, у которого слегка дрожали руки, наконец удалось зажечь сигарету.

Уэндел Рор заложил основу своего состояния, выиграв процесс по делу о гибели двух рабочих при пожаре на буровой вышке компании «Шелл», расположенной здесь, в заливе. Его навар составил два миллиона, и он сразу возомнил себя адвокатом, с которым следует считаться. Удачно вложил деньги, взял еще несколько дел и к сорока годам имел боевую адвокатскую фирму и репутацию мастера судебных скандалов. Потом наркотики, развод и кое-какие неудачные инвестиции на время разрушили его благополучие. В пятьдесят он проверял права собственности и защищал магазинных воришек, как тысячи других адвокатов. Когда на побережье поднялась волна так называемых асбестовых дел, Уэндел вовремя оказался на месте. Тогда-то он снова сорвал банк и поклялся, что его-то уж никогда не потеряет. Он основал фирму, оборудовал ряд шикарных офисов и даже завел молодую жену. Завязав с выпивкой и таблетками, Рор направил свою незаурядную энергию на защиту граждан, пострадавших от американских корпораций. Второе восхождение в элиту судебной адвокатуры произошло даже быстрее первого. Он отрастил бороду, смазывал волосы бриллиантовым, сделался радикалом и с огромным успехом читал лекции.

С Селестой Вуд, вдовой Джекоба Вуда, он познакомился через молодого адвоката, который готовил завещание для Джекоба, уже знавшего, что он умирает. Джекоб Вуд скончался в возрасте пятидесяти одного года после почти тридцати лет бешеного курения – он выкуривал по три пачки в день. К моменту кончины он работал инспектором по производству на кораблестроительном заводе и зарабатывал сорок тысяч в год.

Менее честолюбивый адвокат не увидел бы в этом случае ничего необычного – еще одна из бесчисленного множества жертв курения. Однако Рор втерся в круг людей, которые вынашивали план самого грандиозного из когда-либо имевших место судебных процессов. Все они были специалистами по делам об ответственности за качество продукции и в свое время сделали миллионы на жертвах неудачных имплантаций, защитных экранов и асбеста. Теперь они снова уже несколько раз встречались, чтобы обсудить возможности вернуться к разработке богатейшей жилы американского гражданского законодательства. Ни один легально произведенный товар в мире не убил столько людей, сколько убили их сигареты. А у производителей табачных изделий такие бездонные карманы, что деньги на дне их начинают плесневеть.

Рор первый вложил в дело миллион, постепенно к нему присоединились еще семь коллег. Без каких бы то ни было усилий они быстро заручились поддержкой Специальной комиссии по изучению вредного влияния табака, общества «За мир без курения», Фонда борьбы с курением и множества других групп потребителей и надзирателей за производством. Был создан совет для возбуждения дела о смерти Вуда, и неудивительно, что Уэндел Рор стал его председателем и будущим куратором адвокатов истицы. Максимально раздувая шумиху, группа Рора еще четыре года назад начала представлять в окружной суд округа Гаррисон, штат Миссисипи, иски на табачные корпорации.

Согласно сведениям, которые получил Фитч, дело «Вуд против «Пинекса» было пятьдесят пятым из аналогичных дел. Тридцать шесть не были приняты к производству по разным причинам. Шестнадцать были доведены до суда, но закончились в пользу табачных компаний. По двум присяжные не смогли вынести единогласного решения. Ни одно не кончилось миром. Ни единого пенни ни разу не было выплачено истцам табачными компаниями.

Энтузиазм Рора основывался на том, что ни в одном из предыдущих пятидесяти четырех дел на стороне истца не были задействованы такие мощные силы и никогда истца не представляли адвокаты, располагающие достаточными суммами денег, чтобы участвовать в игре на равных.

С этим Фитч спорить не мог.

Долгосрочная стратегия Рора была простой и гениальной. Пусть не все сто миллионов курильщиков страдают раком легких, но таких достаточно много, чтобы обеспечить его работой до пенсии. Нужно выиграть всего только одно дело, а потом можно будет спокойно наблюдать паническое бегство врага. Любой неквалифицированный рабочий, любая горюющая вдова будут готовы подать иск по делу о раке легких, якобы явившемся следствием курения. Рору и его людям останется лишь выбирать.

Рор руководил работой из офиса, расположившегося на последних трех этажах старого здания банка неподалеку от суда. Поздним вечером в пятницу он открыл дверь одного из неосвещенных кабинетов и остановился у дальней стены, наблюдая, как Джонатан Котлак из Сан-Диего управляет проектором. Котлак отвечал за отбор кандидатов в присяжные, хотя Рору самому предстояло провести собеседования. Длинный стол посередине был заставлен кофейными чашками и завален скомканными бумагами. Осоловевшими глазами сидевшие за ним люди смотрели на очередную фотографию, светившуюся на экране.

Нелле Роберт (произносится как «Робэр»), сорок шесть лет, разведена, однажды подверглась изнасилованию, работает кассиршей в банке, не курит, имеет излишний вес, согласно концепции Рора, должна быть исключена из списка. Никогда не берите в жюри толстых женщин. Ему было наплевать на возражения экспертов по подбору жюри присяжных, ему было все равно, что думает Котлак. Рор никогда не включал в состав кандидатов толстых женщин. Особенно одиноких. Они обычно прижимисты и лишены сострадания.

Рор уже запомнил все имена и лица, с него хватит. Его уже тошнит от изучения их досье. Выскользнув из комнаты, Рор протер глаза и пошел вниз по лестнице своего шикарного офиса в конференц-зал, где комитет по документам работал над составлением тысяч бумаг под руководством Андрэ Дюрона из Нового Орлеана. В общей сложности около сорока человек трудились в столь поздний час предвыходного дня в конторе Уэндела Х. Рора.

Просматривая документы, подготовленные средним юридическим персоналом, Рор переговорил с Дюроном, после чего покинул зал и поспешил в следующий кабинет. Уровень адреналина в его крови явно повышался.

Адвокаты табачных магнатов равно усердно работали на той же самой улице в то же самое время.

Ничто не сравнится с волнением, которое овладевает адвокатом в преддверии большого судебного процесса.

Глава 3

Главный зал суда Билокси располагался на третьем этаже, широкая мозаичная лестница вела на залитую солнцем площадку-крыльцо перед входом. Стены были только что выкрашены белой краской, а свежeweымытый пол сиял.

В понедельник к восьми часам утра перед широкими деревянными дверьми, ведущими в здание суда, начала собираться толпа. Особняком в сторонке теснилась небольшая группка удивительно похожих друг на друга молодых мужчин в темных костюмах. Ухоженные, с напомаженными, коротко остриженными волосами, почти все – в роговых очках, у многих из-под сшитых на заказ пиджаков виднелись подтяжки. Это были аналитики-финансисты с Уолл-стрит, специализирующиеся на акциях табачных предприятий и посланные на Юг, чтобы отслеживать развитие процесса «Вуд против «Пинекса» на его начальной стадии.

В центре площадки собралась и с каждой минутой росла более многочисленная, но не столь сплоченная группа людей, каждый из которых неловко держал в руках листок бумаги – вызов в суд в качестве кандидата в присяжные. Немногие среди них были лично знакомы, но они узнавали друг друга по этим повесткам, и между ними легко завязывался разговор – перед входом в зал суда слышался тихий, взволнованный гул голосов. Группа в темных костюмах оставалась неподвижной и молчаливой – они разглядывали вероятных присяжных.

Третья группа суровых людей в мундирах охраняла вход. Не менее семи судебных охранников были отряжены для поддержания порядка в день открытия суда: двое стояли у входной двери с металлоискателями в руках, еще двое занимались бумажной работой за столом регистрации. Ожидался полный сбор. Остальные трое, потягивая кофе из бумажных стаканчиков, наблюдали за тем, как собирается толпа.

Стражи открыли двери зала суда ровно в восемь тридцать, проверили повестку каждого присяжного, обыскали каждого с помощью металлоискателя, а публике объявили, что ей придется немного подождать. Это относилось также к аналитикам и журналистам.

С учетом складных стульев, которые окружали постоянные места – обитые мягкой тканью скамьи, – зал вмещал около трехсот человек. За барьером вскоре соберутся еще человек тридцать юристов, участвующих в процессе. Эти рассядутся за столами. Всенародно избранный секретарь суда снова проверила все повестки, улыбнулась каждому кандидату, а с несколькими, с которыми была лично знакома, даже обнялась, после чего, словно умелый пастух, загнала «свое стадо» на предназначенные для них места. Звали ее Глория Лейн, обязанности секретаря суда в округе Гаррисон она исполняла последние одиннадцать лет и ни за что не упустила бы возможности покрасоваться на подмостках обещавшего стать самым громким за все время ее службы судебного разбирательства: ей предстояло разводить участников по местам, сличать имена и лица, пожимать руки, политиканствовать и наслаждаться всем этим. Помогали Глории три подчиненные ей более молодые женщины. К девяти часам все присяжные сидели на положенных местах соответственно номерам и прилежно заполняли очередные анкеты.

Не хватало лишь двоих. Эрнст Дьюли, по слухам, переехал во Флориду, где, как говорили, умер. О местопребывании миссис Телле Гейл Райдхаузер вообще ничего не было известно. Она зарегистрировалась в качестве избирателя в 1959 году, но последний раз участвовала в голосовании, когда Картер победил Форда. Глория Лейн объявила, что двое присяжных признаются несуществующими. Слева от нее ряды с первого по двенадцатый занимали 144 кандидата в присяжные, остальные 50 сидели справа в тринадцатом – шестнадцатом рядах. Глория отдала распоряжение вооруженному охраннику, и в соответствии

с письменным указом судьи Харкина сорок человек зрителей были допущены в зал. Они расселись в задних рядах.

Присяжные быстро заполнили анкеты, помощницы Глории Лейн собрали их, а вскоре после десяти в зал неторопливо вошел и первый из множества юристов, участвующих в процессе. Юристы появлялись не через центральную дверь, а из двух дверей, находившихся позади судейской скамьи, которые вели в лабиринты маленьких кабинетов и прочих служебных помещений. Все без исключения были одеты в темные костюмы, у всех был суровый вид, и все старались украдкой поглазеть на присяжных, при этом напуская на себя равнодушие и тщетно пытаясь показать, что они заняты более важными делами: кто-то листал бумаги, кто-то шепотом совещался с коллегами. Юристы медленно расселись за своими столами. Справа был стол представителей истицы. Защита сидела с другой стороны. У них за спинами вплотную друг к другу и к деревянному барьеру, отделявшему юристов от публики, стоял ряд пустых стульев. Больше за барьером не было ни пяди свободного места.

Семнадцатый ряд пустовал, тоже по указанию Харкина, в восемнадцатом сидевшие плотной шеренгой ребята с Уолл-стрит изучали спины присяжных. За ними расположились несколько репортеров, затем – местные адвокаты и зеваки. Рэнкин Фитч в заднем ряду делал вид, что читает газету.

Юристы продолжали прибывать. Затем свои места в тесном промежутке между барьером и столами юристов по обеим сторонам зала заняли консультанты по отбору присяжных и тут же приступили к выполнению своей неприятной работы: изучать лица ста девяноста четырех незнакомых людей. Они делали это по двум причинам: во-первых, потому, что именно за это им платили немалые деньги, во-вторых, потому, что предполагалось, будто они способны раскусить человека, читая по его лицу, как по открытой книге. Они напряженно всматривались, как кто-то скрещивает руки на груди, нервно покусывает ноготь, подозрительно, по-птичьи склоняет набок голову или делает какой-то жест, который якобы с головой выдает человека и его потаенные предубеждения.

Время от времени они что-то корябали на бумажках и снова погружались в молчаливое созерцание лиц. На потенциального присяжного под номером пятьдесят шесть, Николаса Истера, смотрели особенно внимательно. Он сидел в середине пятого ряда, одетый в накрахмаленную рубашку цвета хаки с пуговками на воротничке, симпатичный молодой человек. Истер рассеянно поглядывал вокруг, но мысли его были сосредоточены на книге в мягкой обложке, которую он принес, чтобы скоротать время. Никому другому не пришло в голову принести с собой книгу.

Все стулья за барьером, отделявшим суд от публики, постепенно заполнились. Не менее шести экспертов защиты изучали подергивания лицевых мышц и геморроидальные корчи наблюдаемых. Со стороны истицы таких экспертов было всего четверо.

Большинству гипотетических присяжных не нравилось, что их столь бесцеремонно разглядывают, и от неловкости они минут пятнадцать тоже сердито рассматривали своих наблюдателей. Потом кто-то из юристов, видимо, пошутил с коллегами, и их смех немного разрядил обстановку. Юристы шепотом сплетничали между собой, но кандидаты в присяжные боялись произнести даже слово.

Последним, кто появился в зале суда, был, разумеется, Уэндел Рор, причем, как обычно, прежде чем увидеть, его услышали. Поскольку он не носил темных костюмов, на нем была одежда, которую он обычно надевал в первый день судебного процесса: серый вельветовый пиджак спортивного покроя, не сочетающиеся с ним серые широкие брюки, белый жилет, голубая сорочка и пестрый красно-желтый галстук. Рор рывкнул на одного из охранников, который расхаживал перед местами, занимаемыми адвокатами защиты, и проигнорировал остальных. Затем громко сказал что-то своему коллеге – адвокату истицы и, завладев таким образом вниманием суда, уставился на потенциальных присяжных. Это были

его люди. Это было его дело, дело, которое он выпестовал в своем родном городе, и потому имеет полное право вести себя в своем суде как хозяин и рассчитывать на солидарность земляков. Они знают друг друга и вместе добьются справедливости.

Его появление ошеломило экспертов защиты. Им, конечно, подробнейшим образом объяснили, что представляет собой Уэндел Рор, но никто из них никогда его не видел. На лицах кандидатов в присяжные, многие из которых лично знали Рора, расцвели улыбки. Продолжая наблюдать за залом, эксперты заметили, что при появлении этой знакомой многим фигуры люди расслабились. Рор был местной легендой. Фитч с заднего ряда мысленно послал ему проклятие.

Наконец в десять тридцать судебный пристав, стремительно появившийся в дверях, возгласил: «Встать, суд идет!» Триста человек повскакали со своих мест, приветствуя Его честь Фредерика Харкина, поднявшегося на возвышение и усевшегося на судейскую скамью. После этого он попросил сесть всех остальных.

Для судьи он был достаточно молод – всего пятьдесят. Демократ. Сначала губернатор назначил его исполнять обязанности судьи вместо предшественника, выбывшего до окончания срока, потом его выбрали на этот пост всеобщим голосованием. Поскольку прежде он выступал в суде в качестве адвоката истцов, считалось, что теперь он делает то же самое, но уже на судейском месте, хотя на самом деле это было вовсе не так. Просто защитники обвиняемого хитроумно распространяли подобный слух. В действительности Харкин прежде работал практикующим юристом в небольшой конторе, которая не имела на своем счету громких судебных побед. Работал он добросовестно, но страстью его всегда оставалась политика, и в политические игры на местном уровне он играл весьма искусно. Ему посчастливилось с новым назначением: теперь он зарабатывал восемьдесят тысяч долларов в год – гораздо больше, чем когда практиковал.

Вид зала, заполненного таким множеством правомочных избирателей, греет душу любого выборного должностного лица, и Его честь не смог сдержать широкой улыбки, приветствуя присяжных в своей вотчине, словно они пришли сюда добровольно. Однако по окончании приветственной речи улыбка медленно сползла с его лица – он дал понять, что пришел черед серьезных дел. Ни особая теплота, ни чувство юмора не были свойственны Харкину, он быстро принял деловой вид. Это было вполне уместно.

Перед ним за столами на предназначенных для них местах весьма тесно разместились юристы. Были официально зарегистрированы команды истицы – восемь человек и ответчика – девять. Четыре дня назад Харкин распорядился расставить в зале соответствующее количество стульев для обеих. Когда жюри будет отобрано и процесс начнется, только по шесть человек с каждой стороны получают возможность сидеть, держа ноги под столом. Другим предстояло занять места на стульях, которые пока что оккупировали эксперты по отбору присяжных. Оставят свободные места, разумеется, для истицы – Селесты Вуд и ответчика – представителя «Пинекса». Места за столами были оснащены по минимуму – лишь письменные принадлежности да небольшой свод правил, которые Его честь лично составил специально по этому случаю.

Судебное преследование началось еще четыре года назад, развивалось весьма бурно, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, так что теперь дело насчитывало одиннадцать пухлых томов. Каждая из тяжущихся сторон уже истратила миллионы. Суд обещал продлиться не меньше месяца. В настоящий момент в зале суда собрались некоторые из самых блестящих юридических умов и самых важных персон в стране. Фреду Харкину предстояло править этой непростой компанией твердой рукой.

Включив микрофон, стоявший перед ним на столе, он коротко изложил суть дела для сведения присутствующих: должны же они знать, зачем они здесь. Суд, объяснил Харкин, вероятно, продолжится несколько недель, присяжные не будут изолированы. Существуют

определенные официальные ограничения для статуса присяжного, продолжил он. Не попал ли случайно в списки кто-нибудь старше шестидесяти пяти лет? Поднялось шесть рук. Судья удивленно посмотрел на Глорию Лейн, та лишь пожала плечами – дескать, такое всегда случается. Этим шестерым сообщили, что они могут покинуть зал суда. Пятеро из них немедленно так и поступили. Консультанты вычеркнули их имена в своих списках. Осталось 189. Адвокаты мрачно записали что-то в своих бумагах.

– Так. А теперь – есть ли среди присутствующих незрячие? – спросил судья. – Я имею в виду клинически слепых.

Это был напрасный вопрос, кое-кто даже улыбнулся. Где это видано, чтобы слепой согласился быть включенным в списки присяжных? Зачем ему это нужно?

Тем не менее где-то ближе к середине седьмого ряда медленно поднялась рука. Присяжный номер шестьдесят три, некий мистер Херман Граймз, пятидесяти девяти лет, программист-компьютерщик, белый, женат, детей не имеет. Это еще, черт возьми, что за штучки? Неужели никто не знал, что этот человек слеп? Эксперты по обе стороны заерзали. В деле Хермана Граймза имелось несколько снимков его дома и один или два, где был запечатлен он сам на крыльце этого дома. Он жил в здешних местах около трех лет, но в его анкете не содержалось упоминаний о каких бы то ни было физических недостатках.

– Встаньте, пожалуйста, сэр, – попросил судья.

Мистер Херман Граймз медленно поднялся. Одет он был обычно, руки держал в карманах, на носу у него сидели нормальные на вид очки. По его виду никак нельзя было предположить, что он слеп.

– Будьте любезны, назовите ваш номер, – обратился к нему судья. В отличие от адвокатов и их консультантов он не был обязан запоминать все возможные сведения о каждом присяжном.

– Э-э, шестьдесят три.

– И ваше имя, пожалуйста. – Харкин просматривал лежавшую перед ним компьютерную распечатку.

– Херман Граймз.

Харкин нашел имя, потом поднял голову и оглядел море лиц в зале.

– Имеется ли у вас официальное врачебное заключение?

– Да, сэр.

– В таком случае, мистер Граймз, в соответствии с нашими законами вы освобождаетесь от обязанностей присяжного. Я разрешаю вам покинуть зал.

Херман Граймз не шелохнулся. Незряче уставившись куда-то, он лишь спросил:

– Почему?

– Простите?

– Почему я должен уйти?

– Потому что вы незрячий.

– Это я знаю.

– Ну и... Видите ли, слепой человек не может быть присяжным, – сказал Харкин, взглянув направо, потом налево. – Я разрешаю вам идти, мистер Граймз.

Херман Граймз колебался, обдумывая ответ. Зал затих. Наконец Граймз произнес:

– Кто сказал, что слепой не может быть присяжным?

Харкин уже потянулся к своду законов. Его честь тщательно подготовился к процессу. Он прекратил слушания в суде уже месяц тому назад и заперся в своем кабинете, досконально изучая предварительное производство по делу, представленные суду документы, относящиеся к делу законы и новейшие правила судебной процедуры. Он поднял списки присяжных, участвовавших в процессах, состоявшихся за период его пребывания на посту судьи, – самые разные составы жюри по самым разным делам. Ему казалось, что он ничего

не упустил. Как же он мог позволить заманить себя в западню в первые же десять минут после начала процесса на глазах у битком набитого зала?

– Вы хотите воспользоваться своим правом, мистер Граймз? – спросил он как можно беззаботнее, продолжая листать страницы свода законов и поглядывая на цвет адвокатуры, собравшейся перед ним.

Чувствовалось, что в мистере Граймзе вскипает враждебность.

– Нет, вы объясните мне, почему слепой не может быть присяжным? Если есть такой закон, то это дискриминационный закон, и я подам жалобу. Если такого закона нет, а просто так принято – тем более.

Не приходилось сомневаться, что мистер Граймз не новичок в судебных тяжбах.

По одну сторону барьера сидели двести обыкновенных обывателей, которых закон принудил явиться в суд. По другую – восседал сам закон в лице судьи, возвышавшегося над остальными, множество надутых адвокатов, зарывшихся носами в бумаги, клерков, приставов и судебных исполнителей. Им всем противостоял «призванный» мистер Херман Граймз, нанесший вдруг мощный удар по истеблишменту. Его коллеги-«призывники» наградили его цоканьем языков и смешками, но ему, похоже, было наплевать.

Адвокаты улыбались так же, как и будущие присяжные, ерзали на стульях и почесывали затылки, потому что никто не знал, что делать. «Такого еще не бывало», – слышалось из их рядов.

В законе сказано, что слепой может быть освобожден от обязанностей присяжного. Увидев слово «может» в книге, судья решил успокоить мистера Граймза и решить вопрос позднее. Не хватало, чтобы ему предъявили судебную претензию в его собственном суде. Существуют иные возможности исключить Граймза из состава жюри. Харкин посоветуется с адвокатами.

– Поразмыслив, я решил, что вы будете прекрасным присяжным, мистер Граймз, – сказал он. – Садитесь, пожалуйста.

Херман Граймз кивнул, улыбнулся и вежливо ответил:

– Благодарю вас, сэр.

Как это он собирается работать со слепым присяжным? – думали эксперты, наблюдая, как Граймз садится. Откуда знать, что у него на уме? Чью сторону он примет? Широко известно, что в игре без правил люди с физическими недостатками чаще всего сочувствуют истцу, так как им ближе обиженный и ущемленный. Но бывают и исключения.

Рэнкин Фитч в последнем ряду скопился вправо, тщетно пытаясь перехватить взгляд Карла Нассмена, который уже получил миллион двести тысяч долларов за то, чтобы подобрать идеальный состав жюри. Нассмен на законном основании сидел вместе со своими экспертами, вглядываясь в лица будущих присяжных и делая вид, будто он прекрасно знал, что Херман Граймз слеп. Фитч нисколько не сомневался, что на самом деле он понятия об этом не имел: незначительный факт, ускользнувший от внимания его разведки. Что еще ускользнуло от ее внимания? – спрашивал себя Фитч. Он шкуру спустит с Нассмена, как только начнется перерыв.

– Итак, дамы и господа, – продолжил судья. Теперь, когда непредвиденная угроза обвинения в дискриминации миновала, голос его стал вдруг резче, в нем послышалось требование без задержки двигаться вперед. – Мы приступаем к формированию жюри присяжных, на это потребуется время. Участие в процессе в качестве присяжного связано с определенными физическими нагрузками, которые кому-то могут оказаться не под силу. Мы не хотим пугать вас, но если вы не уверены, что можете выдержать, следует об этом заявить. Начнем с первого ряда.

Когда Глория Лейн встала в проходе перед первым рядом, человек лет шестидесяти поднял руку, потом встал и прошел через вертящуюся дверцу барьера. Пристав провел его

на свидетельское место и отодвинул в сторону микрофон. Судья сдвинулся поближе к этому человеку и склонился к нему так, чтобы тот мог шептать ему на ухо. Два адвоката – по одному от каждой стороны – встали вплотную к свидетельскому месту и закрыли их от взоров зрителей. Судебный пристав примкнул к ним, после чего судья деликатно спросил вышедшего мужчину, что у него за проблема.

У того оказалась грыжа позвоночника, о чем свидетельствовала справка от врача. Мужчине было позволено покинуть зал, что он и сделал весьма поспешно.

К полудню, когда Харкин уходил на обеденный перерыв, уже тринадцать человек получили освобождение по медицинским показаниям. Все устали. В половине второго предстояло возобновить процедуру и еще долго заниматься тем же самым.

Николас Истер вышел из суда один и, миновав шесть кварталов, зашел в «Бургер Кинг», где заказал сэндвич-гигант и колу. Он уселся в уголке возле окна, понаблюдал за носившимися на площадке для игр детьми, просмотрел «Ю-эс-эй тудей» и начал медленно есть – у него было впереди полтора часа.

Блондинка, с которой он познакомился в торговом центре, на сей раз была не в обтягивающих джинсах, а в мешковатых спортивных шортах, свободной майке и новеньких кроссовках «Найк». Через плечо у нее висела небольшая спортивная сумка. Проходя мимо его столика с подносом в руках, она узнала его.

– Николас? – с деланным сомнением произнесла она.

Истер взглянул на девушку – кажется, они где-то встречались. Но имени он не помнил.

– Вы меня не помните, – сказала она, мило улыбнувшись. – Две недели назад я выбирала в вашем отделе...

– Да, помню, – подхватил он, мельком бросив взгляд на ее красиво загорелые ноги. – Вы выбирали клавишный радиоприемник.

– Правильно. Зовут меня Аманда. Если не ошибаюсь, я оставила вам свой телефон. Вы его потеряли?

– Не хотите ли присесть?

– Спасибо. – Она без колебаний уселась за столик и принялась за жареную картошку.

– Я не потерял ваш телефон, – сказал Николас, – просто...

– Не важно. Уверена, что вы не раз звонили. У меня сломан автоответчик.

– Нет. Я не звонил. Но собирался.

– Ну конечно, – сказала она, хихикая. У нее были великолепные зубы, которые она с удовольствием ему продемонстрировала. Волосы, собранные в «конский хвостик». Почти не растрепана и не расслаблена, что странно для человека, только что бегавшего трусцой. И на лице – ни капельки пота.

– Что вы здесь делаете? – спросил он.

– Иду на аэробiku.

– И перед аэробикой едите жареную картошку?

– Почему бы нет?

– Не знаю. По-моему, это неразумно.

– У меня недостаток углеводов в организме.

– А, понимаю. А вы курите перед аэробикой?

– Иногда. Вы поэтому мне не позвонили? Потому что я курю?

– Не совсем.

– Ну же, Николас! Я выдержу. – Она по-прежнему улыбалась и старалась быть игривой.

– Ну хорошо, меня это действительно смущает.

– Понятно. Вы никогда не встречались с курильщицами?

– Насколько помню, нет.

– А почему?

– Может, потому, что не хочу дышать чужим дымом. Не знаю. Я об этом не задумывался.

– Вы сами никогда не курили? – Она отправила в рот еще одну картофелинку, внимательно наблюдая за ним.

– Курил, конечно. Кто же из мальчишек не пробовал? Когда мне было десять, я свистнул пачку «Кэмела» у водопроводчика, что-то починявшего у нас в доме. Выкурил всю пачку за два дня, мне стало плохо, и я решил, что умираю от рака. – Он откусил кусочек сэндвича.

– И на этом все закончилось?

Некоторое время он, усердно жуя, думал, а потом произнес:

– Кажется, да. Во всяком случае, не припоминаю, чтобы когда-либо еще взял в руки сигарету. А почему вы начали курить?

– По глупости. Пытаюсь бросить.

– Это хорошо. Вы еще слишком молоды.

– Благодарю. Постойте-постойте, вы хотите сказать, что, если я брошу курить, вы мне позвоните?

– Возможно, я позвоню вам в любом случае.

– Это я уже слышала, – заметила она, поддразнивая его видом ослепительно сверкающих зубов. Потом долго пила и наконец спросила: – А могу ли я поинтересоваться, что вы здесь делаете?

– Ем сэндвич. А вы?

– Я же вам сказала: иду в гимнастический зал.

– Ах да. А я шел мимо – у меня дела в городе – и почувствовал, что проголодался.

– Почему вы работаете в компьютерном отделе?

– Вы хотите спросить, почему я трачу жизнь на то, чтобы за ничтожную плату работать в торговом центре?

– Не совсем так, но приблизительно.

– Я учусь.

– Где?

– Нигде. Я сейчас перехожу из одного учебного заведения в другое.

– А какое было последним?

– Северотехасский университет.

– А где будет следующее?

– Возможно, южномиссисипский.

– А что вы изучаете?

– Компьютеры. Вы задаете много вопросов.

– Но это ведь невинные вопросы, не так ли?

– В общем, да. А где вы работаете?

– Я не работаю. Я только что развелась с богатым мужем. Детей нет. Мне двадцать восемь лет, я одинока и хочу оставаться одинокой, но не прочь встречаться с кем-нибудь время от времени. Почему вы мне не позвонили?

– Насколько богатым?

На это она лишь рассмеялась и посмотрела на часы.

– Мне нужно идти. Занятия начинаются через десять минут. – Она встала и взяла сумку, не потрудившись убрать поднос. – Увидимся.

И уехала в маленьком «БМВ».

Оставшиеся больные быстренько получили освобождение, и к трем часам количество присяжных сократилось до 159. Судья Харкин объявил перерыв на пятнадцать минут, а вер-

нувшись на судейскую скамью, приступил к следующему этапу формирования жюри. Он прочел впечатляющую лекцию о гражданской ответственности и пригласил всех имеющих немедицинские противопоказания заявить о них. Первым оказался затюканный служащий некоей корпорации, который, сев на свидетельское место, жалобно объяснил судье, двум адвокатам и судебному приставу, что он работает на крупную компанию по восемьдесят часов в неделю и, если придется заседать в суде, потеряет кучу денег, любое его отсутствие на работе оборачивается для него огромными потерями. Судья велел ему вернуться на место и ждать решения.

Второй была женщина средних лет, сославшаяся на то, что неофициально содержит домашний детский сад. «Я присматриваю за детьми, – сдерживая слезы, прошептала женщина, – это все, что я могу делать. Я зарабатываю двести долларов в неделю и бываю занята с утра до вечера. Если я буду заседать в жюри, придется нанимать себе смену. Родителям это не понравится, кроме того, я не могу себе позволить платить кому-то. Я разорюсь».

Предполагаемые присяжные с большим интересом проводили взглядами женщину, проследовавшую по проходу мимо своего ряда и покинувшую зал. Видимо, ей удалось убедить судью. Затюканный служащий заволновался.

К половине шестого освобождение получили одиннадцать человек, шестнадцать других не сумели разжалобить судью и вернулись на свои места. Судья велел Глории Лейн раздать еще одну, более длинную анкету, а оставшимся кандидатам – заполнить ее к девяти часам утра следующего дня. После этого он отпустил их, строго предупредив, что обсуждать обстоятельства дела с кем бы то ни было запрещено.

После дневного перерыва Рэнкин Фитч не вернулся в зал суда. Он пошел в свой офис, располагавшийся на той же улице. В списках студентов Северотехасского университета никакого Николаса Истера не значилось. Блондинка записала их разговор в «Бургер Кинге», и Фитч прослушал его дважды. Это была его идея подстроить «случайную» встречу. Идея рискованная, но она сработала. Блондинка летела сейчас обратно в Вашингтон. Ее автоответчик в Билокси оставался включенным и должен был оставаться, пока не будет сформировано жюри. Если Истер позвонит, в чем Фитч сомневался, он блондинки дома не застанет.

Глава 4

Вопросы в анкете были такими: «Курите ли вы сигареты? Если да, сколько пачек в день? Если да, то как давно вы курите? Если да, хотите ли бросить? Испытывали ли вы когда-либо табакозависимость? Страдал ли кто-нибудь из ваших родственников или знакомых от заболеваний, непосредственно связанных с курением? Если да, то кто? (Укажите, пожалуйста, имя человека, характер заболевания, а также, успешным ли было его лечение.) Верите ли вы, что курение может стать причиной: а) рака легких, б) сердечно-сосудистых болезней, в) гипертонии, г) ни одной из перечисленных болезней, д) всех перечисленных болезней?»

Третья страница трактовала о более общих предметах: «Каково ваше мнение о создании фонда для лечения больных, пострадавших в результате курения, на средства налогоплательщиков? Каково ваше мнение по поводу отчисления бюджетных средств для субсидирования фермеров, выращивающих табак? Каково ваше мнение о необходимости запрета курения во всех общественных местах? Какие права, по вашему мнению, следует предоставить курильщикам?» Для каждого из ответов было оставлено много места.

На странице четвертой перечислялись имена семнадцати юристов, официально участвовавших в нынешнем процессе, а также еще восьмидесяти, которые имели к ним хоть какое-нибудь отношение по службе. «Знакомы ли вы лично с кем-нибудь из этих юристов? Представлял ли когда-либо кто-нибудь из них ваши интересы? Участвовали ли вы в любом качестве в судебном разбирательстве, в котором участвовал один из них?»

Нет. Нет. Нет. Николас быстро ставил прочерки.

На пятой странице имелся список предполагаемых свидетелей. Шестьдесят два человека, включая Селесту Вуд, вдову и истицу. «Знакомы ли вы с кем-нибудь из этих людей?»
Нет.

Истер налил себе еще одну чашку растворимого кофе и положил два пакетика сахара. Вчера вечером он целый час просидел над этой анкетой и вот уже час сидит над ней с утра. Солнце только начало всходить. На завтрак у Николаса был банан и черствая булочка-бейгел, прожевывая которую он размышлял над вопросами и уставшей рукой аккуратно вписывал ответы печатными буквами, потому что его скоропись разобрать было почти невозможно. Он представлял себе, как уже сегодня вечером целая комиссия графологов с той и другой стороны будет корпеть над его анкетой, интересуясь не столько тем, что в ней написано, сколько тем, как он выводит свои букочки. Он хотел показать, что аккуратен и вдумчив, умен и открыт, способен слушать во все уши и решать вопросы справедливо, то есть что он – именно такой арбитр, какой им требуется.

Истер специально проштудировал три книги обо всех тонкостях графологии.

Он вернулся к вопросу о субсидиях табакопроизводителям как к ключевому. Ответ был готов, поскольку он много думал об этом предмете, но хотел выразиться как можно яснее. Или, наоборот, неопределеннее. Быть может, тогда он не выдаст своих чувств, но и не вызовет настороженности ни у одной из сторон.

Многие из этих вопросов уже задавались во время слушания дела «Симмино» в прошлом году в пенсильванском городе Аллентауне. Николас выступал тогда под именем Дэвид Дэвид Ланкастер, студент-заочник кинематографического колледжа с настоящей черной бородой и фальшивыми очками в роговой оправе. Тогда он работал в магазине видеотехники. Прежде чем вернуть анкету на второй день, он сделал копию. То дело было аналогично этому, но хотя занималась им сотня юристов, ни один из них не участвовал в нынешнем процессе. Только Фитч присутствовал неизменно.

Тогда Николас, он же Дэвид, прошел первые два этапа отбора, но до него оставалось еще четыре ряда, когда жюри оказалось полностью укомплектованным. Он сбрил бороду, выбросил фальшивые очки и через месяц уехал из города.

Складной карточный столик, за которым он сидел, дрожал под его рукой. Истер заполнял анкету в своем обеденном уголке – столик и три разнокалиберных стула. В крохотной каморке справа от него стояли хлипкое кресло-качалка, телевизор на деревянном штативе и пыльный диван, купленный на блошином рынке за пятнадцать долларов. Возможно, он мог бы позволить себе снять более приличное жилье, но аренда означала предоставление документов и оставляла следы. А были люди, которые буквально рылись в его мусоре, чтобы выяснить, кто он есть.

Интересно, где сегодня вынырнет эта блондинка – разумеется, с сигаретой наготове, жаждущая втянуть его в очередной банальный разговор о курении. О том, чтобы позвонить ей, он и не думал, но узнать, чью сторону она представляет, хотелось. Вероятно, табачные компании, больно уж она походила на тот тип агентов, который так любил использовать Фитч.

Из своих занятий юриспруденцией Николас знал, что вступать в прямой контакт с потенциальным присяжным было для этой блондинки, как и для любого другого нанятого с подобной целью агента, нарушением этики. Знал он также и то, что у Фитча достаточно денег, чтобы заставить блондинку бесследно исчезнуть отсюда. В следующий раз она могла появиться во время другого процесса как, скажем, рыжеволосая любительница садоводства с совсем иной легендой. Есть вещи, которые невозможно разоблачить.

В спальне прямо на полу лежал широченный матрас, приобретенный на том же блошином рынке. Карточечная тумба служила комодом. Одежда была разбросана по полу.

Временное жилье Истера имело вид места, предназначенного для того, чтобы, используя его несколько месяцев, незаметно покинуть однажды среди ночи – что он и собирался сделать. Он жил здесь уже полгода, и это был его официальный адрес, во всяком случае, именно его Истер указал при регистрации в избирательной комиссии и получении местных водительских прав. В четырех милях отсюда у него было жилье получше, но он не рисковал появляться там, чтобы его не заметили.

Итак, он беспечно жил в нищете – один из множества студентов, временно отошедших от занятий, не обладающих никаким имуществом и не обремененных особыми обязанностями. Он был почти уверен, что ищейки Фитча не заходили пока в его квартирку, но не обольщался на этот счет, поэтому в доме все было хоть и бедно, но тщательно продумано: они ничего не должны здесь разнюхать.

К восьми он закончил заполнять анкету и еще раз все проверил. Та анкета, в деле «Симмино», была написана обычным почерком и в совершенно ином стиле. Истер практиковался в писании печатными буквами несколько месяцев и был уверен, что опознать его по почерку никто не сможет. Там было триста потенциальных присяжных, здесь – двести, почему кто-то должен заподозрить, что он входил в обе компании?

Отодвинув наволочку, которой было занавешено кухонное окно, Истер внимательно оглядел стоянку машин перед домом на предмет обнаружения фотографов или иных наблюдателей. Три недели назад он заметил одного, прятавшегося за колесом пикапа.

Сегодня ищеек не было. Он запер дверь и пешком отправился в суд.

Глория Лейн на второй день процесса гораздо успешнее справлялась со своим «стадом». Оставшиеся в наличии 148 потенциальных присяжных сидели в правой половине зала плотной группой по двенадцать человек в каждом из двенадцати рядов и еще четверо – в проходе на приставных стульях. Так ими легче было руководить. Анкеты собрали у них при

входе в зал, быстро отскерокопировали и роздали представителям обеих сторон. К десяти часам эксперты, запершись в комнатах без окон, проанализировали ответы.

По другую сторону прохода кучка хорошо воспитанных ребят-финансистов, репортеры, зеваки и прочие присутствующие глазели на юристов, продолжавших изучать лица присяжных. Фитч тихонько продвинулся к первому ряду, поближе к своей команде, по обе стороны которой сидели подхалимы в элегантных костюмах, готовые незамедлительно выполнить любой его приказ.

Судья Харкин в этот вторник был настроен по-деловому: рассмотрение немедицинских апелляций он закончил менее чем за час. Еще шесть человек были освобождены, осталось 142.

Наконец настало время прений сторон. Уэндел Рор, одетый, как и накануне, в вельветовый спортивный пиджак и белый жилет с тем же красно-желтым галстуком, подошел к барьеру, чтобы обратиться к аудитории. Он громко клацнул искусственными зубами, развел руки и широко, но мрачно улыбнулся. «Добро пожаловать», – драматически произнес он, словно событию, которое должно было последовать, предстояло навеки остаться в памяти потомков. Он представился сам, представил членов своей команды, после чего попросил встать истицу, Селесту Вуд. Представляя ее будущим присяжным, он ухитрился дважды упомянуть слово «вдова». На маленькой пятидесятипятилетней женщине было скромное черное платье, темные чулки, темные туфли, которые, впрочем, скрывал барьер. Она улыбалась жалостной, исполненной боли улыбкой, словно бы все еще была в трауре, хотя муж ее скончался четыре года назад. Она чуть было не вышла замуж снова – Уэндел едва успел предотвратить это событие, узнав о нем в последний момент. Вы можете любить своего избранника сколько угодно, объяснил он вдове, но тихо, так, чтобы никто об этом не знал, и вам не следует выходить замуж до окончания процесса. Фактор сострадания. Вы должны выглядеть скорбящей.

Фитч знал о несостоявшемся бракосочетании, но понимал, что шанса сделать это достоянием жюри у него нет.

Представив всю свою команду, Рор коротко изложил суть дела. Его повествование вызвало живой интерес судьи и адвокатов защиты. Они затаив дыхание ждали, перейдет ли Рор невидимую грань, отделяющую фактическую сторону дела от аргументации. Он ее не перешел, но ему доставляло удовольствие держать их в напряжении.

Затем последовало пространное воззвание к присяжным – быть честными, открытыми и не бояться поднимать свои робкие ручки и откровенно высказывать любые, даже малейшие сомнения. Иначе как они, участники процесса, узнают, что думают и чувствуют будущие присяжные? «Разумеется, мы не можем догадаться об этом, просто глядя на вас», – сказал Рор, в очередной раз блеснув белоснежными зубами. В этот момент в зале находилось как минимум восемь человек, отчаянно пытавшихся уловить и истолковать каждую поднятую бровь и каждый искаженный в гримасе рот.

Не давая слушателям передышки, Рор взял в руки бумаги, лежавшие перед ним на столе, заглянул в них и продолжил:

– Итак, среди вас есть люди, которым уже доводилось исполнять обязанности присяжных. Пожалуйста, поднимите руки.

Около дюжины человек послушно подняли руки. Рор всех их окинул изучающим взглядом и остановился на сидевшей в переднем ряду ближе всего к нему женщине.

– Миссис Милвуд, если не ошибаюсь?

Женщина, зардевшись, кивнула. Все без исключения либо уже глазели на миссис Милвуд, либо искали ее взглядом.

– Насколько мне известно, вы были членом жюри присяжных несколько лет назад? – приветливо спросил Рор.

– Да, – откашлявшись и стараясь говорить громко, ответила та.

– Какого рода дело тогда рассматривалось? – продолжал расспрашивать Рор, хотя знал все в мельчайших подробностях – семь лет назад, в этом же самом суде, при другом судье, истец проиграл. Копию того дела он получил несколько недель назад и даже поговорил с адвокатом истца, своим приятелем. Он начал с этой дамы и с этого вопроса, чтобы успокоить аудиторию, показать, насколько это безопасно и безболезненно – поднять руку и разрешить все проблемы.

– Дело об автокатастрофе, – ответила женщина.

– Где вы заседали? – с искренним видом поинтересовался Рор.

– Здесь же.

– Вот как? В этом самом суде? – Рор изобразил удивление, однако адвокаты защиты прекрасно знали, что оно наигранное. – Пришли ли тогда присяжные к единому мнению?

– Да.

– И каков же был вердикт?

– Мы ему ничего не присудили.

– Ему – это истцу?

– Да. Мы сочли, что он на самом деле не пострадал.

– Понимаю. Вам понравилось заседать в жюри?

Она подумала несколько секунд.

– В общем, да, хотя, знаете ли, масса времени тратилась впустую, когда адвокаты начинали пререкаться о том о сем.

Широкая улыбка.

– Да, это мы любим. Не было ли в том деле чего-нибудь такого, что могло бы послужить препятствием к вашему участию в этом процессе?

– Вроде бы нет.

– Благодарю вас, миссис Милвуд. – Ее муж когда-то служил бухгалтером в маленькой окружной больнице, которая вынуждена была закрыться после того, как суд признал персонал виновным в преступной небрежности. Поэтому обвинительные приговоры подосознательно вызывали у миссис Милвуд неприятие. Джонатан Котлак, ответственный за окончательный подбор жюри со стороны истицы, давно уже исключил ее имя из списка желательных присяжных.

Однако адвокаты защиты, сидевшие в десяти футах от Котлака, рассматривали ее как весьма подходящего кандидата. Джоуэн Милвуд могла стать для них счастливой находкой.

Рор начал задавать аналогичные вопросы другим ветеранам присяжной службы, и процедура приобрела монотонный характер. Затем он затронул щекотливую тему реформы гражданского законодательства и предложил ряд беспорядочных вопросов о правах жертвы, поверхностных судебных разбирательствах и суммах страхования. Вокруг некоторых из них завязались небольшие дискуссии, но неприятностей удалось избежать. Подходило время обеда, и аудитория на время утратила интерес к происходящему. Судья Харкин объявил часовой перерыв, охранники очистили зал.

Однако адвокаты остались. Глория Лейн со своими помощницами раздала им пакеты с едой – маленькие сэндвичи на непропеченном хлебе и красные яблоки. Обед должен был проходить «без отрыва от производства». Двенадцать ответивших на вопросы кандидатов следовало обсудить и принять по ним решения. Его честь был готов выслушать доводы. Всем подали кофе или чай со льдом – по желанию.

* * *

Использование анкет значительно облегчало подбор жюри. Пока Рор задавал вопросы в зале суда, десятки людей в других местах изучали письменные ответы и вычеркивали имена из своих списков. У одного кандидата сестра умерла от рака легких. У семи других были друзья или родственники, страдавшие от серьезных заболеваний, которые эксперты считали вероятным результатом курения. Почти половина ответивших на анкету либо продолжали курить, либо в прошлом были заядлыми курильщиками. Большинство курящих признались, что хотели бы бросить.

Сведения были проанализированы, внесены в компьютеры, и к середине второго дня судебных заседаний все получили распечатки и внесли в них поправки. Объяснив в половине пятого об окончании второго дня заседаний, судья Харкин снова приказал очистить зал, и работа над списками продолжилась. Почти три часа юристы изучали и дебатировали письменные ответы кандидатов. К концу дня еще тридцать одно имя было исключено из списков. Глории Лейн надлежало немедленно обзвонить этих новых «отставников» и сообщить им радостную весть.

Харкин был решительно настроен закончить отбор присяжных в среду. Он утвердил в общих чертах расписание выступлений на четверг и даже намекнул на вероятность субботнего заседания.

В восемь часов вечера он выслушал еще одно поспешное и едва ли плодотворное предложение и распустил всех домой. Адвокаты «Пинекса» собрались у Фитча в конторе «Уитни, Кейбл и Уайт», где их ожидали все те же холодные сэндвичи и масляные чипсы. Фитч требовал работы, и пока утомленные адвокаты медленно накладывали еду на бумажные тарелочки, два помощника раздавали им копии актов графологической экспертизы. Ешьте побыстрее, командовал Фитч, будто кому-нибудь могло прийти в голову смаковать подобную пищу. Список сократился до 111 человек, и окончательный отбор должен был начаться на следующий день.

Утром солировал Дурвуд Кейбл, или Дурр, как его называли на всем побережье, откуда он за шестьдесят один год своей жизни, в сущности, никуда не уезжал. Как старший партнер компании «Уитни, Кейбл и Уайт», сэр Дурр был по зрелом размышлении выбран Фитчем руководителем бригады юристов, которым предстояло отстаивать интересы «Пинекса» в суде. Адвокат, потом судья и теперь снова адвокат, Дурр за последние тридцать лет жизни в основном занимался изучением присяжных и их опросом. В суде он чувствовал себя как рыба в воде, потому что суд – это подмости: никаких телефонов, никакого уличного движения, никаких снующих взад-вперед секретарей. У каждого своя роль, все следует сценарию, и каждый адвокат – звезда. Дурр и двигался, и говорил весьма многозначительно, но при этом ничто не укрывалось от его пытливых серых глаз. Если его противник Уэндел Рор был шумным, общительным и грешил против вкуса, Дурр всегда оставался застегнутым на все пуговицы и церемонным. Неизменный темный костюм, довольно смелый золотистый галстук, классическая белая рубашка, приятно контрастировавшая с его темным, загорелым лицом. Дурр был фанатичным рыболовом и проводил многие часы в открытом море на своей яхте под солнцем. Проплешина у него на макушке стала бронзовой.

Был период, когда в течение шести лет подряд Дурр не проиграл ни одного дела, но потом Рор, его недруг, а временами друг, обставил его на два миллиона в деле трех откатчиков.

Дурр подошел к барьеру и серьезно посмотрел в лица ста одиннадцати сидевших перед ним людей. Он знал, где живет каждый из них, сколько у него детей и внуков, если таковые

имеются. Скрестив руки на груди и задрвав подбородок – этакий профессор-меланхолик, он произнес приятным, глубоким голосом:

– Меня зовут Дурвуд Кейбл, и я представляю компанию «Пинекс», старейшую компанию, которая вот уже девяносто лет производит сигареты.

Да, вот так, он вовсе не стыдится этого! Речь о «Пинексе» продолжалась десять минут, и Дурр произнес ее мастерски, сумев смягчить образ компании, представить своего клиента как нечто теплое и пушистое, почти симпатичное.

Покончив с этим, он бесстрашно окунулся в проблему выбора. Если Рор напирал на пагубность привычки к курению, то Кейбл посвятил свое время свободе выбора.

– Нужно ли кого-либо убеждать в том, что при злоупотреблении сигареты могут представлять потенциальную опасность? – спросил он и увидел, как большинство присутствующих согласно закивали головами. Кто же станет с этим спорить? – Прекрасно. Но раз это общеизвестный факт, следует признать, что курящий сознает опасность того, что он делает. – Снова кивки, но руки пока никто не поднял.

Дурр изучал лица, особенно остававшееся загадкой лицо Николаса Истера, сидевшего теперь в третьем ряду восьмым от прохода. После всех пертурбаций Истер не был уже кандидатом номер пятьдесят шесть. Теперь он носил порядковый номер тридцать два и с каждым новым отсеком продвигался все выше в списке. Его лицо не выражало ничего, кроме всепоглощающего внимания.

– Это очень важный вопрос, – медленно произнес Кейбл, и его слова эхом отозвались в тишине зала. Направив на аудиторию указующий перст, без малейшего, впрочем, оттенка агрессивности, Кейбл спросил: – Есть ли в этом зале хоть один человек, который сомневается, что существуют курильщики, не осознающие опасности курения?

Он ждал, как рыболов, наблюдая и чуть-чуть подергивая удочку, пока наконец не клюнуло: в четвертом ряду медленно поднялась рука. Кейбл улыбнулся и сделал шаг вперед.

– Ага, вы, если не ошибаюсь, миссис Татуайлер? Встаньте, пожалуйста.

Если ему действительно нужен был доброволец, то радость его оказалась преждевременной. Миссис Татуайлер была худенькой маленькой дамой шестидесяти лет с очень сердитым лицом. Она встала, вытянувшись в струнку, высоко задрала подбородок и сказала:

– У меня к вам вопрос, мистер Кейбл.

– Конечно, пожалуйста.

– Если всем известно, что сигареты вредны, почему ваш клиент продолжает производить их?

Кое-кто из коллег миссис Татуайлер хихикнул. Все взоры устремились на Дурвуда Кейбла. Он, никогда не отступавший ни при каких обстоятельствах, продолжал улыбаться.

– Отличный вопрос, – громко сказал он. Отвечать на него Кейбл вовсе не собирался. – Вы полагаете, миссис Татуайлер, что производство сигарет следует вообще запретить?

– Да.

– Даже если есть люди, которые желают воспользоваться своим правом курить?

– Сигареты вредны, мистер Кейбл, вы это знаете.

– Благодарю вас, миссис Татуайлер.

– Производители начинают сигареты никотином, к которому люди привыкают, и рекламируют свою продукцию как безумные, желая продать ее как можно больше.

– Благодарю вас, миссис Татуайлер.

– Я еще не закончила, – громко сказала она, вцепившись в спинку передней скамьи; теперь она казалась даже выше ростом. – Производители сигарет всегда отрицали, что в сигаретах есть вредные добавки. Это ложь, и вы это знаете. Почему они не сообщают об этом на этикетках?

Выражение лица Дурра ничуть не изменилось. Он терпеливо ждал, затем вполне приветливо спросил:

– Вы закончили, миссис Татуайлер?

Она хотела еще многое сказать, но вдруг ей пришло в голову, что здесь не место для подобных речей.

– Да, – ответила она почти шепотом.

– Благодарю вас. Ответы, подобные вашему, чрезвычайно важны для принятия решения при отборе жюри. Большое вам спасибо. Вы можете сесть.

Она оглянулась, словно ожидая, что кто-нибудь поддержит ее, но осталась в одиночестве и тяжело рухнула на свое место. С тем же успехом она могла вообще покинуть зал суда.

Кейбл быстро перешел к менее болезненным темам. Он задавал множество вопросов и предоставил своим экспертам-наблюдателям обширный материал для изучения. Закончил он в полдень, как раз к обеденному перерыву. Харкин попросил всех вернуться к трем, но адвокатам велел пообедать быстро и быть на месте через сорок пять минут.

В час дня в пустом и запертом зале суда Джонатан Котлак сообщил сгрудившимся за своими столами адвокатам, что «истица согласна на включение в жюри номера первого». Это никого не удивило. Каждый записал что-то на своей распечатке, в том числе и Его честь, который после небольшой паузы спросил:

– Защита?

– Защита согласна.

Тоже неудивительно. Номером первым была Рикки Коулмен, молодая мать двоих детей, которая никогда не курила и работала регистраторшей в больнице. Котлак со своей командой отобрали ее по письменным ответам, поставив седьмой в десятке желательных присяжных. Они основывались на том, что она имела отношение к лечению больных, окончила колледж и здесь, в зале, проявляла искренний интерес ко всему происходящему. У команды защиты она прошла под шестым номером, и рейтинг ее мог бы подняться даже выше, если бы не ряд неприятных моментов.

– Это было нетрудно, – пробормотал себе под нос судья Харкин. – Пойдем дальше. Присяжный номер два, Реймонд Си Ламонетт.

Мистер Ламонетт был первым стратегическим объектом схватки. Ни одна из сторон не желала видеть его в жюри, его рейтинг у обеих команд составлял всего 4,5. Он дымил, как паровоз, но отчаянно мечтал бросить. Его письменные ответы были абсолютно бесполезны, так как разобрать их возможным не представлялось. Эксперты обеих команд, наблюдая за ним, пришли к выводу, что он ненавидит всех адвокатов и все, что с ними связано. Много лет назад его сбил чуть не насмерть пьяный водитель, но тяжбу против него мистер Ламонетт проиграл.

По правилам каждая из сторон имела право на несколько безапелляционных отводов присяжных, то есть без указания причин. Учитывая важность рассматриваемого дела, судья Харкин предоставил каждой из сторон по десять таких возможностей против обычных четырех. Обе стороны хотели забаллотировать мистера Ламонетта, но каждая желала сделать это руками противника, чтобы сохранить за собой право отвода десяти еще менее желательных кандидатов.

Право первого выбора за истцом. После небольшой заминки Котлак сказал:

– Истица отводит номер два.

– Истица использовала одну из десяти возможностей безапелляционного отвода, – объявил Харкин и сделал пометку в блокноте. Маленькая победа защиты, одержанная благодаря решению, принятому в последнюю секунду, – Дурр Кейбл тоже был готов заявить отвод.

Истица отвела номер третий, жену служащего корпорации, а также номер четвертый. Последовали и другие стратегические отводы, в результате чего первый ряд оказался прак-

тически опустошенным. Почти такая же участь постигла ряд второй, где из двенадцати человек лишь пять прошли сквозь сито отводов, причем два отвода последовали со стороны суда. Когда дело дошло до третьего ряда, семь присяжных уже были утверждены. На восьмом месте здесь сидел «великий неизвестный», Николас Истер, кандидат в присяжные под номером тридцать два, которому было уделено много внимания и который казался вполне приятным молодым человеком, однако заставлял обе стороны нервничать.

Уэндел Рор, который занял место Котлака, проводившего срочное совещание с экспертом по поводу двух лиц из четвертого ряда, заявил отвод номеру двадцать пятому. Это был девятый отвод истицы. Последний приберегался для сильно напуганного и пользующегося дурной славой республиканца, сидевшего в четвертом ряду, если, конечно, они дойдут до четвертого ряда. Защита отклонила двадцать шестого и лишилась тем самым своего восьмого шанса. Кандидаты под номерами двадцать семь, двадцать восемь и двадцать девять были утверждены. Тридцатый номер отведен по обоснованной взаимной просьбе, не лишившей ни одну из сторон оставшихся возможностей на отвод без объяснения причин. Дурр Кейбл обратился к судье с просьбой прервать ведение протокола, так как появилась необходимость кое-что обсудить в частном порядке. Рор казался слегка озадаченным, но не возражал. Секретарь перестал писать. Кейбл вручил краткое резюме Рору и Его чести судье Харкину. Понизив голос, он сказал:

– Ваша честь, из некоторых источников нам стало известно, что присяжный номер тридцать, Бонни Таюс, регулярно употребляет наркотический препарат ативан. Она никогда не лечилась, не подвергалась аресту и никогда не признавала своей наркозависимости. Разумеется, не призналась она в этом и заполняя анкету, и в ходе устного опроса. Ей удастся жить тихо и незаметно, сохранять работу и мужа, хотя он у нее уже третий.

– Как вы это узнали? – спросил Харкин.

– Посредством проведенного нами весьма широкого опроса всех потенциальных присяжных. Уверяю вас, Ваша честь, с миссис Таюс ни в какой нелегальный контакт мы не входили.

Это Фитч разузнал. Второй муж миссис Таюс жил в Нэшвилле и работал на круглосуточной мойке трейлеров и тракторов. За сотню наличными он с радостью выложил все, что знал о своей бывшей.

– Что вы думаете об этом, мистер Рор? – спросил Его честь.

Не колеблясь ни секунды, Рор солгал:

– У нас тоже есть такая информация, Ваша честь, – и послал ехидный взгляд Джонатану Котлаку, который, в свою очередь, переадресовал его другому адвокату, ответственному за группу, в которую входила Бонни Таюс. Они потратили на работу, связанную с отбором жюри, миллион долларов, а эти дармоеды упустили такой важный факт.

– Прекрасно. Присяжный номер тридцать исключается по определенной причине. Возобновите ведение протокола. Присяжный номер тридцать один.

– Вы позволите нам прерваться на несколько минут, Ваша честь? – попросил Рор.

– Да. Но только очень ненадолго.

Итак, отработано тридцать номеров. Десять присяжных утверждены. Девять отведены истицей, восемь – ответчиком, три – судом. Непохоже, что дело дойдет до четвертого ряда, поэтому Рор, у которого остался в запасе лишь один отвод без объяснения причин, указал на присяжных с номера тридцать первого по тридцать шестой и шепотом спросил у сгрудившихся вокруг него помощников: «Который самый поганый?» Все единодушно ткнули пальцами в номер тридцать четыре – это была огромная злобная белая тетка, которой они боялись с самого первого дня. Звали ее Уайлда Хейни, и месяц тому назад все они поклялись не допустить Ужасную Уайлду в жюри. Посовещавшись еще немного, решили согласиться

на номера тридцать один, тридцать два, тридцать три и тридцать пять. Не сказать чтобы все они были такими уж безупречными, но все же лучше, чем Ужасная Уайлда.

Чуть поодаль тесно сгрудилась другая группа, армия Кейбла решила отвести тридцать первого, согласиться на тридцать второго, оспорить тридцать третьего, поскольку им был слепой мистер Херман Граймз, принять тридцать четвертую – миссис Уайлду Хейни и, если будет нужно, отвести номер тридцать пять.

Николас Истер, таким образом, стал одиннадцатым членом жюри присяжных в процессе «Вуд против «Пинекса». Когда в три часа судебное заседание возобновилось после перерыва, судья Харкин начал оглашать имена отобранной дюжины присяжных. Они по очереди проходили через дверцу в барьере и занимали предназначенные им места в ложе. У Николааса было место номер два в переднем ряду. В свои двадцать семь лет он был одним из двух самых молодых заседателей. В жюри вошли девять белых, три черных, семь женщин, пять мужчин, один слепой. Три дублера сидели в углу ложи на скрепленных между собой стульях с мягкой обивкой. В половине пятого все пятнадцать человек встали и произнесли клятву присяжных. Затем все полчаса выслушивали строгие наставления судьи Харкина присяжным, адвокатам и тяжущимся. Любой контакт с присяжными во время процесса будет сурово караться денежными штрафами, вероятно даже, что сам процесс будет признан недействительным в силу нарушения процедуры, а барристеру будет грозить исключение из корпорации, а то и смерть.

Харкин запретил присяжным обсуждать с кем бы то ни было ход процесса и обстоятельства дела, даже с супругами и друзьями, потом широко улыбнулся и на прощание пожелал всем приятного вечера, выразив надежду увидеть всех утром ровно в девять.

Адвокатам тоже хотелось бы пойти домой. Но у них еще была работа. Когда в зале остались одни адвокаты и служащие суда, Его честь сказал:

– Джентльмены, вы представили свои ходатайства. Теперь мы должны их обсудить.

Глава 5

Отчасти из скуки и любопытства, отчасти из интуитивного подозрения, что кто-нибудь увяжется за ним, Николас Истер прошмыгнул в незапертую заднюю дверь здания суда в половине девятого, поднялся по черной лестнице, которой редко кто пользовался, и проник в узкий коридор позади зала заседаний. Большинство учреждений в округе начинали работу в восемь, поэтому на первом этаже уже слышались голоса и звук шагов. Но на втором было почти тихо. Истер заглянул в зал – там никого еще не было. Папки с документами, уже доставленные, в беспорядке лежали на столах. Адвокаты, вероятно, пили кофе в задней комнате и, перекидываясь шутками, готовились к схватке.

Истер хорошо знал расположение помещений. Три недели тому назад, получив долгожданную повестку, он пришел сюда, чтобы осмотреться. Зал в тот момент был пуст, и ему удалось тщательно изучить все проходы и помещения, окружающие его. Тесные судейские кабинеты, комнату, где адвокаты, сидя на столах, заваленных старыми журналами и свежими газетами, потягивали кофе, комнаты без окон, уставленные складными стульями, где ожидали вызова свидетели, камеру, где содержались опасные преступники в наручниках в ожидании приговора, и, разумеется, комнату жюри.

Интуиция не подвела его в то утро. Грузную женщину лет шестидесяти с челкой, нависающей над серыми глазами, облаченную в синтетические брюки и старые кроссовки, звали Лу Дэлл. Она сидела в коридоре возле входа в комнату присяжных, читала потрепанный любовный роман и ждала, когда кто-нибудь вступит в ее владения. Завидев Истера, она вскочила с места, схватила листок, на котором сидела, и сказала:

– Доброе утро. Чем могу быть полезна?

Все ее лицо представляло собой сплошную огромную улыбку, но взгляд был недобрый.

– Николас Истер, – представился он, протягивая руку навстречу ее рукопожатию. Она крепко сжала его руку, мстительно тряхнула ее и отыскала имя в своем списке. Затем одарила Николаса еще более широкой улыбкой и сказала:

– Добро пожаловать в комнату присяжных. Вы впервые участвуете в суде?

– Да.

– Входите. – Она почти втокнула его в комнату. – Кофе и пончики там. – Она потащила его за руку в угол. – Я сама их испекла, – похвасталась она, протягивая корзинку с масляными черными булочками. – Это своего рода традиция. Я всегда приношу их в первый день судебного заседания и называю своими «присяжными пончиками». Возьмите.

На столе стояло несколько подносов с аккуратно разложенной сдобой разных сортов. Из двух кофейников поднимался пар. Пластиковые тарелочки, стаканчики, ложечки, вилки, сахар, сливки и разные сладости. Посредине стола красовались «присяжные пончики». У Николаса не было выбора, он взял один.

– Я пеку их уже восемнадцать лет, – сказала женщина. – Когда-то я добавляла в них изюм, но от изюма пришлось отказаться. – Она закатила глаза, словно собиралась поведать ужасно скандальную историю.

– Почему же? – вынужденно спросил Николас.

– Потому что от изюма пучит. А в зале бывает слышен любой звук. Понимаете, что я имею в виду?

– Догадываюсь.

– Кофе?

– Я сам, спасибо.

– Прекрасно. – Она развернулась и указала на стопку бумаг в центре длинного письменного стола. – Это инструкции, разработанные судьей Харкином. Он просил каждого присяжного ознакомиться с ними и поставить свою подпись. Потом я соберу листочки.

– Благодарю вас.

– Если понадобится, я в коридоре у входа. Я всегда там сижу. На время этого процесса они собираются поставить рядом со мной охранника, представляете? Отвратительно. Наверное, какого-нибудь болвана, который шагу не может ступить без ружья. Впрочем, это будет, кажется, самый громкий процесс из всех, какие здесь когда-либо слушались. Я имею в виду, из гражданских процессов. Что касается уголовных, то вы вообразить себе не можете, что здесь бывает. – Она взялась за дверную ручку и дернула ее на себя. – Итак, я рядом, любезнейший, если понадобится.

Дверь закрылась, и Николас остался с пончиком в руке. Он осторожно откусил кусочек. Отруби и сахар, больше почти ничего. Истер вспомнил о звуках, раздающихся порой в зале суда, бросил пончик в мусорную корзину и налил себе черного кофе в пластиковый стаканчик. Если они собираются держать его здесь от четырех до шести недель, неплохо было бы позаботиться о настоящих чашках. А кроме того, раз округ расщедрился на пончики, значит, может позволить себе и бейгели с круассанами.

Кофе не декофеинизирован, отметил Николас. Кипятка для чая он нигде не увидел – ну а если кто-то из его новых друзей не пьет кофе? Хотелось бы, чтобы обед оказался получше. Он не станет есть салат из тунца шесть недель подряд.

Вокруг стола, занимавшего середину комнаты, аккуратно стояли двенадцать стульев. Толстый слой пыли, покрывавший здесь все три недели назад, исчез, помещение выглядело убранным, готовым к использованию. На одной стене висела большая доска, на бортике которой лежали тряпки для стирания и новенькие кусочки мела. Три больших – от пола до потолка – окна на противоположной стене выходили на лужайку, все еще зеленую и свежую, хотя лето окончилось месяц тому назад. Николас остановился у окна, наблюдая за пешеходами, сновавшими по тротуарам.

В инструкциях судьи Харкина содержалось несколько указаний и множество запретов. «Соберитесь и выберите председателя. Если вы не сможете этого сделать, уведомьте Его честь, и он с радостью назначит кого-нибудь. Постоянно носите красно-белые значки присяжных. Их раздаст Лу Дэлл. Приносите с собой что-нибудь почитать на случай временных простоев. Не смущайтесь спрашивать обо всем, что вам неясно. Не обсуждайте между собой обстоятельств дела до тех пор, пока не последует распоряжение Его чести. Не обсуждайте обстоятельств дела ни с кем другим. Абзац. Не покидайте без разрешения здание суда. Не пользуйтесь без разрешения телефоном. Обеды будут подавать в комнате присяжных. Меню будет раздаваться каждый день перед началом заседаний. Немедленно сообщайте, если с вами или с кем-нибудь, кто вам известен, попытаются вступить в контакт в связи со слушаемым делом. Немедленно ставьте в известность суд обо всем подозрительном, что вы увидите, услышите или заметите, независимо от того, связано или не связано это с исполнением ваших обязанностей присяжного».

Странные инструкции, во всяком случае, эти две последние. Но Истер знал подробности табачного дела в восточном Техасе. Там дело рассыпалось через неделю после начала слушаний потому лишь, что обнаружили таинственных людей, спящих по городку и предлагающих крупные суммы денег родственникам присяжных. Людей этих так и не поймали, и никто никогда не узнал, на какую из сторон они работали, несмотря на взаимные гневные обвинения. Трезвые наблюдатели склонялись к тому, что это дело рук ребят из табачных компаний. Было похоже, что жюри присяжных симпатизировало именно ответчику, и защита с восторгом встретила объявление о том, что рассмотрение дела прекращается в связи с допущенными в ходе его нарушениями закона.

Хотя доказать это было невозможно, Николас не сомневался, что за всем этим маячил призрак Рэнкина Фитча. И был уверен, что Фитч не задумываясь переметнется на сторону его новых друзей.

Николас поставил подпись под своим экземпляром инструкций и оставил его на столе. В коридоре послышались голоса: Лу Дэлл встречала нового присяжного. Дверь резко распахнулась, и первым, постукивая перед собой палкой, вошел мистер Херман Граймз. Жена шла рядом, не прикасаясь к нему, она осматривала комнату и тихо описывала ее мужу: «Длинная комната, двадцать пять на пятнадцать, вытянута перед тобой, в центре стол, вокруг него – стулья, ближайший стул в восьми футах от тебя». Он внимательно слушал, поворачивая голову в направлении тех объектов, о которых она рассказывала. Позади нее в дверном проеме стояла, вытянув руки по швам, Лу Дэлл, она сгорала от нетерпения накормить слепого присяжного своим пончиком.

Николас сделал несколько шагов навстречу и представился, потом схватил протянутую Херманом руку, и они обменялись любезностями. Поприветствовав также миссис Граймз, Истер повел Хермана к столу, налил ему стаканчик кофе со сливками, положил сахар, размешал и стал описывать пончики и булочки, нанося тем самым упреждающий удар по Лу Дэлл, замешкавшейся в дверях. Херман не был голоден.

– У меня есть любимый слепой дядюшка, – сообщил Николас к сведению всех троих, – почту за честь, если вы позволите мне помогать вам, пока будет продолжаться суд.

– Я вполне способен справиться сам, – с оттенком возмущения сказал Херман, но его жена, не сдержав благодарной улыбки, подмигнула и кивнула Николасу в знак согласия.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – ответил Николас, – но я знаю, что есть масса мелочей... Просто я хотел бы быть вам полезным.

– Благодарю вас, – после короткой паузы сказал Граймз.

– Благодарю вас, сэр, – эхом отозвалась его жена.

– Я буду снаружи, если понадобится, – сказала Лу Дэлл.

– Когда мне за ним прийти? – спросила миссис Граймз.

– В пять. Если заседание закончится раньше, я позвоню. – Отбарабанив инструкции, Лу Дэлл закрыла дверь.

Глаза Хермана закрывали темные очки. Шевелюра была темной и густой, хорошо напомаженной, он начинал сесть.

– Нужно выполнить еще кое-какие бумажные формальности, – сказал Николас, когда они остались одни. – Сядьте на стул, который стоит перед вами, я прочту вам правила.

Херман нацупал стол, поставил на него свой кофе, затем пошарил рукой в поисках стула, ощупал его кончиками пальцев, определил нужное направление движения и сел. Николас взял в руки листок с инструкциями и начал читать.

После того как целые состояния были истрачены на отбор присяжных, мнения уже ничего не стоили. У каждой стороны было свое. Эксперты защиты поздравили себя с тем, что выбрали такое прекрасное жюри, хотя в большей степени это была заслуга легиона юристов, работавших круглые сутки. Дурр Кейбл видывал и худшие составы жюри, но случались и гораздо более удобоваримые. Впрочем, он давно понял, что все равно совершенно невозможно предсказать заранее, как поведет себя жюри, каким бы оно ни казалось на первый взгляд. Фитч радовался, разумеется, настолько, насколько мог себе позволить, хотя не переставал ворчать и злобствовать по всякому поводу. В жюри вошли четыре курильщика. Он верил, хотя и не высказывался об этом вслух, что побережье залива с его многочисленными казино и кабаками, где прислуживали обнаженные до пояса официантки, а также в силу его близости к Новому Орлеану было не худшим местом для нынешнего процесса, так как славилось терпимостью к греховным утехам.

На другой стороне улицы Уэндел Рор также объявил своим помощникам, что доволен составом жюри. Особенно их радовало неожиданное включение в него мистера Хермана Граймза – первого на чьей бы то ни было памяти слепого присяжного. Мистер Граймз настоял на том, что может исполнять обязанности присяжного ничуть не хуже «всех этих зрячих», и пригрозил подать в суд, если к нему будут относиться не так, как к остальным. Его безоглядная вера в суд согревала души Рора и компании, о присяжном с таким физическим недостатком адвокаты истца могли лишь мечтать. Защита возражала против Граймза, выдвигая все мыслимые и немыслимые доводы, напирая на то, что он не сможет увидеть вещественные доказательства. Судья Харкин разрешил адвокатам деликатно расспросить об этом самого мистера Граймза, и тот заверил их, что в состоянии составить адекватное представление о вещественных доказательствах, если получит их толковое описание. Тогда судья Харкин постановил выделить специального секретаря, который будет составлять такие письменные описания. Затем файл с описанием вещественных доказательств будет сбрасываться на компьютер мистера Граймза, оснащенный шрифтом Брайля (для слепых), и мистер Граймз сможет знакомиться с материалами по вечерам. Мистер Граймз остался весьма доволен таким решением и прекратил жалобы на дискриминацию. Защита немного повеселела, лишь узнав, что слепой присяжный в свое время курил много лет и теперь не испытывает никаких неудобств, находясь в обществе курящих.

Таким образом, обе стороны высказали осторожное удовлетворение составом жюри. Никаких радикалов. Ни у кого из присяжных не выявлено особых предубеждений. Все имеют среднее образование, двое окончили колледжи, еще трое продолжают учиться. Судья по письменным ответам Истера, он окончил среднюю школу, но что касается его учебы в колледже, это по-прежнему оставалось загадкой.

Однако теперь, готовясь к первому дню судебных слушаний, обе стороны были озабочены главным вопросом, который они мечтали бы разгадать. Тысячи раз просматривая документы и фотографии, они спрашивали себя снова и снова: «Кто станет лидером?»

В каждом жюри есть свой лидер, и вердикт зависит от него. Обнаружится ли он (она?) сразу или будет оставаться в тени до тех пор, пока не начнется обсуждение? Пока этого не знали и сами присяжные.

Ровно в десять судья Харкин внимательно осмотрел зал и пришел к выводу, что все на своих местах. Он тихонько стукнул молоточком – шепот стих. Все были готовы приступить к делу. Судья кивнул Питу, своему многолетнему судебному приставу в бледно-коричневой униформе, и просто сказал: «Приведите жюри». Все взоры устремились на дверь позади судейской скамьи. Первой появилась Лу Дэлл, она вела свою стайку, как наседка цыплят. Присяжные проследовали в ложу и заняли каждый свое место. Трое дублеров уселись на складных стульях. С минуту присяжные устраивались, поправляли мягкие сиденья, клали сумочки и бумажные папки на пол – потом застыли неподвижно и тут заметили, что весь зал уставился на них.

– Доброе утро, – сказал Его честь громким голосом, широко улыбаясь. Большинство присутствующих в ответ кивнули головами. – Уверен, вы нашли комнату присяжных и выполнили формальности. – Пауза. Судья зачем-то поднял пятнадцать листков, подписанных присяжными, которые раздала, а потом собрала у них Лу Дэлл. – Выбрали ли вы председателя? – спросил судья.

Все двенадцать дружно кивнули.

– Отлично. Кто же он?

– Это я, Ваша честь, – произнес Херман Граймз, сидевший в первом ряду, и на мгновение у всех участников процесса со стороны ответчика – адвокатов, консультантов, представителей корпораций – случился сердечный спазм. Затем они медленно и глубоко вздох-

нули, ничем не выдав иных чувств, кроме величайшей любви и нежности по отношению к слепому присяжному, ставшему лидером жюри. Наверное, остальные одиннадцать просто пожалели парня.

– Очень хорошо, – сказал Его честь, почувствовав облегчение оттого, что жюри оказалось в состоянии принять такое решение без видимых признаков неприязни. Ему доводилось быть свидетелем куда более драматических ситуаций. Однажды жюри, состоявшее наполовину из белых, наполовину из черных, так и не сумело само выбрать председателя. Впоследствии они шумно ссорились и по поводу меню.

– Полагаю, вы ознакомились с моими письменными инструкциями, – продолжил судья и пустился в подробнейшие объяснения того, что уже изложил в письменной форме, причем лекцию свою повторил дважды.

Николас Истер сидел в первом ряду на втором месте слева. На его лице застыла маска абсолютной беспристрастности, но под монотонное жужжание судейского голоса он начал потихоньку разглядывать остальных «игроков». Едва заметно повернув голову, он обвел глазами зал. Адвокаты, сидя за столами вплотную друг к другу и готовые, словно ястребы, вмиг наброситься на жертву, беззастенчиво рассматривали присяжных. Разумеется, это им надоест, и весьма скоро.

Во втором ряду позади группы юристов, представляющих ответчика, сидел Рэнкин Фитч. Его толстая физиономия с жалкой бороденкой почти утыкалась в плечи сидящего впереди человека. Он пытался делать вид, что игнорирует предупреждения Харкина и абсолютно не интересуется присяжными, но Николас хорошо знал, что это не так. Ничто не ускользало от внимания Фитча.

Год и два месяца назад Николас видел его в Аллентауне, штат Пенсильвания, в зале суда, где слушалось дело «Симмино». Тогда он выглядел почти так же, был так же толст и мрачен. Видел он его и на тротуаре перед зданием суда в Оклахоме, в городке Броукен-Эрроу, во время слушания там дела «Глейвина». Этих двух возможностей понаблюдать за Фитчем было вполне достаточно. Николас отдавал себе отчет в том, что Фитч уже знает: Николас никогда не учился ни в одном колледже северного Техаса. Разумеется, никто из присяжных не беспокоит Фитча больше, чем он, Николас, и на то есть основания.

Два ряда за спиной Фитча занимали одетые в официальные темные пиджаки, как две капли воды похожие друг на друга ребята со злобными лицами. Николас знал, что эти озабоченные парни – с Уолл-стрит. Судья по утренним газетам, рынок решил не реагировать на выборы жюри. Акции «Пинекса» оставались стабильными: восемьдесят зеленых за штуку. Это вызвало у Николаса лишь улыбку. Если бы он сейчас вскочил и крикнул: «А знаете ли вы, что истица получит миллионы?», «пиджаки» тут же бросились бы к двери, а к обеду акции «Пинекса» рухнули бы пунктов на десять.

Остальные три компании – «Трелко», «Смит Грир» и «Конпэк» – тоже пока стояли стабильно.

В первых рядах сидели обособленными группками какие-то несчастные люди. Николас не сомневался, что это эксперты по работе с присяжными. Теперь, когда жюри укомплектовано, они приступили к следующему этапу своей деятельности – наблюдению. Им выпал тяжкий жребий вслушиваться в каждое слово каждого свидетеля и пытаться предсказать, как воспримет его жюри. Если будет замечено, что кто-то из свидетелей производит слабое, а то и неблагоприятное впечатление на присяжных, его или ее следовало незамедлительно «выполотить» из свидетельской «грядки» и отправить домой. А чтобы возместить ущерб, нанесенный этим свидетелем, нужно было выпустить на сцену другого, более сильного. В этой их способности, однако, Николас не был уверен. Он много всего прочел об экспертах по работе с присяжными, даже посещал соответствующий семинар в Сент-Луисе, где адвокаты, имеющие большой опыт судебных баталий, рассказывали леденящие кровь

истории о суровых приговорах, но все равно не был уверен, что эти эксперты, исполнявшие роль «лезвия ножа», на самом деле не служили лишь для отвода глаз.

Считалось, будто они способны оценить присяжного по одним лишь внешним проявлениям, какими бы незначительными они ни были, и по тому, что он говорит. Николас снова незаметно улыбнулся. Что, если он приставит палец к носу и будет сидеть в таком положении минут пять? Как, интересно, они истолкуют это с точки зрения языка жестов?

Остальных зрителей он не смог идентифицировать. Несомненно, среди них есть какое-то количество репортеров и, как обычно, скучающих местных адвокатов, а также прочих завсегдатаев судов. Жена Хермана Граймза сидела ближе к задним рядам, светясь гордостью оттого, что ее муж избран на столь высокую должность. Судья Харкин перестал бубнить и указал на Уэндела Рора, который медленно встал, застегивая пиджак, в очередной раз сверкнул своими белоснежными искусственными зубами в сторону присяжных и важно проследовал к кафедре, чтобы произнести, как он объяснил, свое вступительное слово, в котором он обрисует присяжным дело в общих чертах. В зале воцарилась полная тишина.

Они собираются доказать, начал Уэндел Рор, что сигареты вызывают рак легких и, конкретней, что покойный мистер Джекоб Вуд, милейший человек, заработал рак легких в результате тридцати лет курения сигарет «Бристолаз». Сигареты убили его, торжественно заявил Рор, подергав жиденькую седенькую бородку. Голос у него был скрипучий, но он отлично управлял им, с помощью соответствующих модуляций добиваясь нужного драматического эффекта. Рор был актером, опытным актером. Небрежно завязанный галстук, клацающий зубной протез и не сочетающиеся друг с другом предметы одежды были призваны создать образ «своего парня», такого же, как все. Да, он не идеален. Пусть адвокаты ответчика в своих безупречных темных костюмах с дорогими шелковыми галстуками свысока разговаривают с присяжными. Рор не таков. Для него присяжные – товарищи.

Но как доказать, что сигареты вызывают рак легких? Существует масса способов. Во-первых, они пригласят сюда самых знаменитых в стране специалистов-онкологов. Эти выдающиеся ученые уже на пути в Билокси, они сядут вместе с присяжными и недвусмысленно объяснят, опираясь на обширные статистические данные, что сигареты действительно вызывают рак легких.

Кроме того – Рор не смог скрыть злорадной улыбки, – истица представит суду людей, работавших прежде в табачной индустрии. Придется вытащить грязное белье на свет божий прямо здесь, в зале суда. Ожидаются страшные разоблачения.

Короче, адвокаты истицы докажут, что естественные канцерогены, пестициды, радиоактивные частицы и асбестоподобные волокна, содержащиеся в сигаретном дыме, вызывают рак легких.

К этому моменту мало кто в зале суда сомневался не только в том, что Рор сможет это доказать, но и в том, что это не составит ему ни малейшего труда. Он сделал паузу, подергал края галстука-бабочки всеми десятью пухлыми пальцами и заглянул в свои записи. Затем начал очень торжественно рассказывать о покойном Джекобе Вуде: обожаемый отец и глава семейства, трудяга, примерный католик, член церковной футбольной команды, ветеран. Курить начал, будучи совсем еще ребенком, не осознавая, как и многие в подобном возрасте, всей опасности этой привычки. Любимый дедушка. И так далее.

В какой-то момент Рор даже переусердствовал в театральности, но быстро понял это. Он коротко коснулся возмещения убытков. Нынешний процесс – грандиозный процесс, объявил он, процесс, значение которого выходит за рамки данного дела. А следовательно, истица потребует, разумеется, большую сумму денег и вправе рассчитывать на их получение. Речь ведь идет не только о конкретных убытках – об экономических потерях, связанных с кончиной Джекоба Вуда, и о моральном ущербе, понесенном семьей, лишившейся его любви и заботы. Речь идет о назидательном значении той кары, какой заслуживает ответчик.

Рор еще немного поговорил о назидательности. Несколько раз он даже, казалось, терял нить, и большинству присяжных стало ясно, что именно этой стороне дела он придает настолько важное значение, что позволяет себе даже несколько отклониться от конкретики.

Судья Харкин письменно уведомил каждую из сторон, что отводит на вступительную речь не более часа. Как только выступающий превысит отведенный лимит времени, сообщалось в том же письменном послании, он будет безжалостно остановлен на полуслове. Хотя Рор и страдал от обычной адвокатской болезни многословия, он четко знал установленную судьей границу, которую нельзя переходить, и уложился в пятьдесят минут, закончив торжественным призывом к справедливости, поблагодарив присяжных за внимание, улыбнувшись и, перед тем как сесть на место, еще раз клацнув искусственными зубами.

Пятьдесят минут, которые нужно просидеть без малейшего движения и звука, кажутся часами, судья Харкин хорошо знал это, поэтому объявил пятнадцатиминутный перерыв, после которого со вступительной речью должен был выступить адвокат ответчика.

Дурвуд Кейбл уложился менее чем в тридцать минут. Он хладнокровно и рассудительно заверил присяжных: у «Пинекса» есть собственные специалисты – врачи и ученые, которые доходчиво объяснят им, что как таковые сигареты не вызывают рака легких. Он не удивится, если поначалу присяжные отнесутся к этому скептически, и просит их лишь проявить терпение и широту взгляда. Сэр Дурр говорил без каких бы то ни было бумажек, словно ввинчивая каждое слово в сознание присяжных. Он обводил взглядом первый ряд, потом, чуть подняв глаза, скользил по второму, впитывая любопытное внимание каждого в отдельности. Его честный голос и взгляд действовали почти гипнотически. Этому человеку хотелось верить.

Глава 6

Первый кризис разразился во время обеденного перерыва. Судья Харкин объявил его в десять минут первого. Зал сидел неподвижно, пока жюри покидало свою ложу. Лу Дэлл ждала в узком коридоре, сгорая от нетерпения затолкать членов жюри в комнату присяжных. «Рассаживайтесь, – сказала она, – обед будет через минуту. Пока можете выпить свежего кофе». Как только все двенадцать человек оказались в комнате, она закрыла их и отправилась проверить, все ли в порядке у трех дублеров, содержащихся в отдельной комнатухе неподалеку от зала, а убедившись, что везде все в порядке, вернулась на свой пост и уставилась на Уиллиса, придурочного охранника, которого поставили здесь с заряженным пистолетом в пристегнутой к поясу кобуре кого-то там охранять.

Присяжные медленно бродили по комнате, некоторые потягивались и зевали, другие продолжали знакомиться друг с другом. Разговоры в основном крутились вокруг погоды. Некоторые явно чувствовали себя неловко, что и неудивительно для тех, кто неожиданно оказался запертым в комнате с совершенно незнакомыми людьми, при том что делать им было, в сущности, нечего, только обед маячил впереди как главное событие. Чем же их будут кормить? Безусловно, еда должна быть приличной.

Херман Граймз занял место во главе стола, которое, как он считал, подобало председателю, и вскоре увлекся беседой с Милли Дапри, милой дамой лет пятидесяти, имевшей, как оказалось, слепого приятеля. Николас Истер представился Лонни Шейверу, единственному чернокожему мужчине в составе жюри, который явно тяготился своими обязанностями присяжного. Шейвер управлял одним из бакалейных магазинов, входивших в региональную торговую сеть, и среди чернокожих сотрудников компании занимал самое высокое положение. Он нервничал, был скован и никак не мог расслабиться. Его приводила в ужас мысль о том, что придется оторваться от магазина на целые четыре недели.

Прошло минут двадцать, обеда все не несли. Ровно в половине первого Николас громко спросил:

– Эй, Херман, где же наш обед?

– Я – всего лишь председатель жюри, – с улыбкой ответил Граймз во внезапно наступившей тишине.

Николас подошел к двери, открыл ее и подозвал Лу Дэлл.

– Мы голодны, – сказал он.

Она медленно отложила книгу в бумажной обложке и, взглянув на одиннадцать остальных присяжных, сказала:

– Обед сейчас прибедет.

– Откуда же он следует? – спросил Николас.

– Из закуской О’Рейли, это здесь, за углом. – Лу Дэлл не поняла шутки.

– Послушайте, мы сидим здесь взаперти, словно цыплята в курятнике, – сказал Николас, – не имея возможности, как нормальные люди, пойти пообедать сами. Не понимаю, почему нам не доверяют и не разрешают пройтись по улице и пообедать в свое удовольствие без разрешения судьи? – Он сделал шаг навстречу Лу Дэлл и увидел заплывшие в ее глазах серые искорки. – Нельзя ли сделать так, чтобы обед не превращался для нас в ежедневную борьбу?

– Да, конечно.

– Пожалуйста, позвоните и узнайте, где наш обед, или я буду вынужден поговорить с судьей Харкином.

– Хорошо.

Дверь закрылась, Николас пошел к кофейнику.

– Вы не думаете, что были излишне резки? – заметила Милли Дапри. Остальные слушали, не вмешиваясь в разговор.

– Возможно. Если так, прошу меня извинить. Но если мы не будем высказывать все начистоту, они о нас вообще забудут.

– Она здесь ни при чем, – сказал Херман.

– Ее обязанность – заботиться о нас. – Николас пересек комнату и сел рядом с Граймзом. – Вы отдаете себе отчет в том, что во время процессов такого рода присяжным обычно разрешается, как нормальным людям, ходить обедать? Почему, как вы думаете, мы обязаны носить эти значки присяжных?

Все стали собираться вокруг них.

– Вы, кажется, разбираетесь в судебных делах? – спросила через стол Милли Дапри.

Николас пожал плечами, давая понять, что разбирается куда лучше, чем может сказать:

– Я немного знаком с этой системой.

– Откуда? – поинтересовался Херман.

Николас сделал паузу, чтобы произвести впечатление.

– Я два года учился в юридическом колледже. – Пока остальные переваривали эту весьма интересную информацию, он сделал большой глоток кофе.

Рейтинг Истера среди коллег моментально подскочил. Он уже зарекомендовал себя как дружелюбный и участливый, благовоспитанный и умный человек. Теперь он вырос в их глазах еще и как знаток законов.

До двенадцати сорока пяти обед так и не прибыл. Тогда Николас резко оборвал разговор и снова открыл дверь. Лу Дэлл стояла в коридоре, нервно поглядывая на часы.

– Я послала туда Уиллиса, – поспешно объяснила она. – Он должен вернуться с минуты на минуту. Мне очень жаль, что так получилось.

– Где здесь мужской туалет?

– За углом справа, – сказала она и с некоторым облегчением указала направление рукой.

Не задерживаясь возле туалета, Истер тихо спустился по черной лестнице и вышел из здания суда. Пройдя два квартала по Лэммюз-стрит, он зашел в Старый рынок – пешеходный торговый квартал, расположившийся на месте бывшего делового центра Билокси. Истер отлично ориентировался в этом районе – его дом был всего в полумиле отсюда. Ему нравились кафе и закусочные, которых было множество в Старом рынке. Имелся здесь и отличный книжный магазин.

Повернув налево, он вскоре вошел в большое белое здание, где находился известный местный ресторан «Мэри Маханиз» – любимое место встреч городской общественности во время слушаний в суде. Истер прорепетировал этот путь неделю тому назад и даже отобедал в непосредственной близости от столика почтенного Фредерика Харкина.

Сейчас он вошел в ресторан и спросил у первой встретившейся ему официантки, обедает ли еще судья Харкин. Да. А где? Она показала, и Николас быстро прошел через бар и маленький вестибюль в обеденный зал, залитый солнечным светом и украшенный множеством живых цветов. Народу было много, Его честь сидел за столиком на четверых. Харкин увидел Истера, и вилка с насаженной на нее мясистой жареной креветкой застыла у него в руке на полпути ко рту. Он узнал в Николасе одного из присяжных, к тому же на груди у него красовался красно-белый значок.

– Простите, что беспокою вас, сэр, – сказал Николас, останавливаясь у края стола, уставленного тарелками с горячим хлебом, аппетитными салатами, закусками, а также большими стаканами чая со льдом. Глория Лейн, секретарь суда, тоже онемела от изумления. Вторая женщина за столом была помощницей секретаря, третья – судебным делопроизводителем Харкина.

– Что вы здесь делаете? – спросил Харкин. К его нижней губе пристал крохотный кусочек козьего сыра.

– Я здесь по поручению жюри.

– Что случилось?

Николас наклонился поближе, чтобы не устроить сцены.

– Мы голодны, – сказал он сквозь зубы. Четверо напряженных людей за столом отчетливо уловили гнев в его словах. – Пока вы, уважаемые господа, наслаждаетесь здесь отличной едой, мы сидим в четырех стенах в ожидании «комплексного обеда», который почему-то никак не доберется до нас. Позвольте со всем уважением заметить вам, сэр, что мы голодны. И весьма расстроены.

Вилка Харкина с силой ударилась о тарелку, креветка соскочила с нее и шлепнулась на пол. Он швырнул на стол салфетку, бормоча себе под нос что-то совершенно неразборчивое. Взглянув на женщин, составлявших ему компанию, судья поднял брови и сказал:

– Что ж, пойдете разберемся.

Женщины вскочили, и все пятеро, вихрем пронесаясь через обеденный зал, выскочили из ресторана.

Когда Николас с судьей Харкином и тремя женщинами, пройдя по коридору, появились в комнате присяжных, Лу Дэлл и Уиллиса нигде не было видно. Стол оставался пустым – никакой еды. На часах – пять минут второго. Присяжные замолчали и уставились на Его честь.

– И вот так уже почти час, – сказал Николас, махнув рукой в сторону пустого стола. Если поначалу присяжные удивились, увидев судью Харкина, то через несколько мгновений удивление сменилось гневом.

– Мы имеем право рассчитывать на то, чтобы с нами обращались достойно, – раздраженно сказал Лонни Шейвер, и это окончательно добило судью.

– Где Лу Дэлл? – спросил он, обращаясь к трем сопровождавшим его женщинам. Все три посмотрели на дверь, через которую как раз в этот момент ворвалась Лу Дэлл. Увидев Его честь, она застыла как вкопанная. Харкин посмотрел ей прямо в лицо.

– Что здесь происходит? – сдерживая ярость, спросил он.

– Я только что звонила в ресторан, – ответила она, запыхавшись; от страха лицо ее покрылось испариной. – Произошло какое-то недоразумение. Они говорят, что кто-то им позвонил и сказал, будто обед откладывается до половины второго.

– Эти люди умирают от голода, – сообщил Харкин, словно Лу Дэлл еще этого не знала. – До половины второго?

– Там в ресторане что-то напутали. У них что-то с телефоном.

– Какой ресторан?

– О’Рейли.

– Напомните мне поговорить с хозяином.

– Да, сэр.

Судья переключил внимание на присяжных.

– Приношу вам свои извинения. Это больше не повторится. – Он помолчал немного, взглянул на часы и мило всем улыбнулся. – А пока я приглашаю вас всех отобедать вместе со мной в «Мэри Маханиз». – И, повернувшись к своему делопроизводителю, распорядился: – Позвоните Бобу Махани и скажите, чтобы он приготовил для нас дальний кабинет.

На обед подали закуску из крабов, свежие устрицы и знаменитое фирменное блюдо Махани – суп из стручков бамии. Это был звездный час Николаса Истера. Покончив с десертом уже после половины третьего, они неспешно отправились вместе с судьей Харкином в суд. К тому моменту, когда присяжные заняли свои места, готовые продолжить работу, все присутствующие уже знали историю их восхитительного обеда.

Нил О'Рейли, хозяин закуской, позднее предстал перед судьей и поклялся на Библии, что ему позвонила какая-то молодая дама, представилась помощницей секретаря суда и велела доставить обед для присяжных ровно в половине второго.

Первым свидетелем на процессе выступал покойный Джекоб Вуд – была показана видеозапись, сделанная за несколько месяцев до его кончины. Перед присяжными установили два монитора с двадцатидюймовыми экранами, еще шесть расставили по всему залу. Установку завершили, пока присяжные праздновали свою победу в «Мэри Маханиз».

Джекоб Вуд, обложенный подушками, полулежал, судя по всему, на больничной кровати. На нем была белая майка без рисунков, ноги прикрывала простыня. Он был худ, изможден, бледен, вдоль тонкой шеи спускалась кислородная трубка, конец которой был вставлен в нос. Кто-то дал ему команду начинать, и он, глядя в объектив камеры, назвал свои имя и адрес. Голос у него был скрипучий и больной. Он страдал еще и от эмфиземы легких.

Хотя его окружали адвокаты, на экране был он один. Время от времени за кадром между адвокатами возникали какие-то стычки, но Джекоб, казалось, этого не замечал. В пятьдесят один год он выглядел на все семьдесят и явно находился при смерти.

Побуждаемый адвокатом Уэнделом Рором, он поведал всю свою биографию, начиная с рождения, что заняло почти целый час. Детство, начальная школа, друзья детства, дом, служба в морском флоте, женитьба, работа, дети, привычки, новые друзья, путешествия, отдых, внуки, перспективы пенсии. Следить за рассказом несчастного поначалу представлялось весьма захватывающим занятием, но вскоре присяжные осознали, что жизнь его столь же скучна, как и их собственная. К тому же плотный обед начал оказывать свое действие, и они заерзали на своих местах. Веки у них отяжелели, и восприятие притупилось. Даже Херман, который, слыша лишь голоса, должен был воображать себе лица, заскучал. К счастью, судья тоже стал испытывать послеобеденную истому и спустя час двадцать минут объявил короткий перерыв.

Четверым присяжным-курильщикам требовался перекур, и Лу Дэлл радостно сопроводила их в маленькую квадратную комнату с открытым окном возле мужского туалета, которую обычно использовали для содержания малолетних правонарушителей, ожидавших вызова в суд. «Если вы и после этого суда не бросите курить, значит, что-то здесь не так», – неловко пошутила она. Ни один из четверых не улыбнулся. «Простите», – извинилась Лу Дэлл и закрыла за собой дверь. Джерри Фернандес, тридцативосьмилетний торговец автомобилями, неудачно женатый и сильно задолжавший в казино, зажег первую сигарету и дал прикурить трем женщинам, вышедшим вместе с ним. Все четверо глубоко затянулись и выпустили в окно густые клубы дыма. «За Джекоба Вуда», – словно тост, произнес Джерри. Женщины хранили молчание, они были слишком поглощены курением.

Председатель, мистер Граймз, уже прочел им краткую, но энергичную лекцию о недопустимости обсуждения обстоятельств дела, он этого не потерпит, сказал он, потому что судья Харкин без устали сурово требует от него этого. Но сейчас Хермана в комнате не было, а Джерри распирало любопытство.

– Интересно, старина Джекоб пытался когда-нибудь бросить курить? – спросил он, не обращая ни к кому конкретно.

Сильвия Тейлор-Тейтум, свирепо затянувшись своей длиннющей тонкой сигаретой в стиле эмансипе, ответила: «Не сомневаюсь, что скоро мы это узнаем», – и выпустила столб голубоватого дыма через свой длинный острый нос. Джерри обожал прозвища и про себя уже нарек ее Пуделихой из-за чрезвычайно узкого лица, острого вытянутого вперед носа и густых курчавых седеющих волос, разделенных пробором строго посередине и падающих на плечи тяжелыми прядями. Ростом не меньше шести футов, угловатая, она отпугивала людей неизменно хмурым выражением лица. Пуделиха словно бы предупреждала, чтобы ее не трогали.

– Интересно, кто будет следующим? – сказал Джерри, пытаясь завязать разговор.

– Наверное, все эти доктора, – ответила Пуделиха, глядя в окно.

Две остальные дамы продолжали курить молча, и Джерри сдался.

Женщину звали Марли, во всяком случае, так она предпочитала называть себя в данный период жизни. Тридцать лет, короткие темные волосы, карие глаза, рост средний, стройная, одежда очень простая, рассчитанная на то, чтобы не обращать на себя внимания. Марли шикарно выглядела в обтягивающих джинсах и мини-юбках, она вообще шикарно выглядела – в одежде или без, но в настоящий момент стремилась к тому, чтобы ее никто не замечал. Она дважды до сих пор посещала здание суда – один раз две недели тому назад, когда присутствовала на другом процессе, второй – во время отбора присяжных уже для нынешних слушаний. Она прекрасно здесь ориентировалась: знала, где находится кабинет судьи и где судья обедает, знала имена адвокатов истицы и ответчика, всю эту информацию не так уж легко было раздобыть. Она прочла материалы дела, ей было известно, в каком отеле прячется во время слушаний Рэнкин Фитч.

В перерыве, проскочив мимо металлодетектора у главного входа, она шмыгнула в задний ряд зала суда. Зрители разминались, а адвокаты, собравшись группами, что-то обсуждали. В углу она увидела Фитча, болтавшего с двумя мужчинами, которых она сочла консультантами. Он ее не заметил. В зале находилось человек сто.

Прошло несколько минут. Она внимательно следила за дверью позади судейской скамьи и, когда из нее вышел судебный пристав с чашкой кофе в руках, поняла, что вот-вот появится судья. Тогда она достала из сумочки конверт, выждала минуту, приблизилась к охраннику, стоявшему у входной двери, мило улыбнулась ему и сказала:

– Не могли бы вы сделать мне одолжение?

Он почти было улыбнулся ей в ответ и тут заметил конверт:

– Попытаюсь.

– Я должна бежать. Не передадите ли вы это вон тому джентльмену в углу? Мне не хочется мешать ему.

Охранник обернулся в указанном ею направлении и спросил:

– Которому?

– Вон тому грузному человеку с бородкой в темном костюме.

В этот момент из-за судейской скамьи появился бейлиф и провозгласил:

– Встать, суд идет!

– Как его зовут? – понизив голос, спросил охранник.

Она вручила ему конверт и ткнула пальцем в имя, написанное на нем.

– Рэнкин Фитч. Благодарю вас. – И, похлопав охранника по руке, исчезла.

Фитч склонился к кому-то, сидевшему в зале, и что-то ему шепнул, а затем, когда в свою ложу начали входить присяжные, стал пробираться к выходу. На сегодня он увидел достаточно. Обычно после того, как жюри бывало сформировано, Фитч проводил в зале суда не много времени. У него были иные способы наблюдать за ходом процесса.

Охранник остановил его у двери и вручил конверт. Увидев свое имя, написанное печатными буквами, Фитч насторожился. Он был неизвестной, безымянной тенью, ни с кем не знакомился и жил под псевдонимом. Его базирующаяся в федеральном округе Колумбия фирма называлась «Западноарлингтонское товарищество» – название максимально невыразительное и никому ничего не говорящее, он сам такое придумал. Никто не знал его имени – кроме, разумеется, подчиненных, клиентов и нескольких нанятых им адвокатов. Фитч взглянул на охранника и, даже не буркнув «спасибо», отступил в проход. Не веря глазам своим, он уставился на депешу. Без сомнения, почерк женский. Он медленно вскрыл конверт и достал из него единственный листок белой бумаги. Посредине аккуратными печатными буквами было написано: «Дорогой мистер Фитч, завтра присяжный номер два, мистер Истер, наденет

серый пуловер с красным воротом, вельветовые брюки цвета хаки, белые носки и коричневые кожаные туфли со шнурками».

Шофер Хосе неторопливо вышел из-за фонтана и, словно послушный сторожевой пес, встал рядом с хозяином. Фитч перечитал записку, перевел невидящий взгляд на Хосе. Затем вернулся к входной двери, открыл ее и попросил охранника на минуту выйти.

– Что случилось? – спросил тот. Ему надлежало стоять внутри зала у двери, а он не привык нарушать приказы.

– Кто вам это дал? – спросил Фитч настолько любезно, насколько умел.

Два других охранника с металлоискателями с интересом наблюдали за ними.

– Женщина. Я не знаю, как ее зовут.

– Когда она это вам вручила?

– Перед тем как вы направились к выходу. Минуту назад.

Услышав это, Фитч быстро огляделся по сторонам:

– Вы ее где-нибудь видите?

– Нет, – ответил охранник, пошарив взглядом.

– Вы можете ее описать?

Он был копом, а у копов должна быть развита наблюдательность.

– Конечно. Под тридцать. Рост – пять футов шесть или семь дюймов. Короткая стрижка. Брюнетка. Карие глаза. Чертовски любезная. Стройная.

– Во что она одета?

Он не заметил, но признаться в этом не захотел.

– Ну... Светлое платье, вроде бы бежевое, хлопковое, на пуговицах спереди.

Фитч выслушал, поразмыслил немного и спросил:

– Что она вам сказала?

– Ничего особенного. Просто попросила вручить вам это. Потом ушла.

– В манере речи не было ничего необычного?

– Нет. Послушайте, я должен вернуться на свой пост.

– Да, конечно. Спасибо.

Фитч в сопровождении Хосе спустился по ступенькам и обошел все коридоры первого этажа. Затем они вышли на улицу и обошли здание суда, покуривая и делая вид, что просто дышат воздухом.

Видеопозаказания Джекоба Вуда записывались два с половиной дня. Исключив из записи все препирательства адвокатов, процедуры, которые проводили с больным медсестры, и свидетельства, не имеющие отношения к делу, судья Харкин сократил запись до двух часов тридцати одной минуты.

Но присяжным казалось, что они смотрят ее уже несколько дней. До определенного момента было интересно слушать личные признания бедолаги-курильщика, но вскоре стало жалко, что Харкин не урезал запись еще больше. Джекоб начал курить «Редтопс» в возрасте шестнадцати лет, потому что все его приятели курили именно «Редтопс». Вскоре курение вошло в привычку, и он за день выкуривал по две пачки. Женившись после демобилизации из морфлота, он отказался от «Редтопс», потому что жена уговорила его перейти на сигареты с фильтром. Она хотела, чтобы он вообще бросил курить. Он не мог, но перешел на «Бристолз», потому что считалось, будто в них содержание смолы и никотина ниже. К двадцати пяти годам он выкуривал по три пачки в день. Это он очень хорошо помнил, так как именно тогда родился их первый ребенок и Селеста Вуд предупредила его, что, если он не бросит курить, внуков ему не видать. Она отказывалась покупать ему сигареты, и Джекоб делал это сам. В среднем у него уходило по два блока в неделю, двадцать пачек, но зачастую приходилось докупать пачку-другую.

Он отчаянно хотел бросить, как-то не курил целые две недели, но однажды ночью, не вытерпев, вскочил и закурил снова. Несколько раз он снижал норму, сначала до двух пачек в день, потом до одной, а потом незаметно для самого себя возвращался к своим трем. Он ходил к врачам и гипнотизерам, пробовал иглоукалывание и никотиновую жвачку. Ничего не помогало. Он не смог бросить курить даже после того, как у него обнаружили эмфизему, а затем и рак легких.

Большую глупость трудно себе представить, и теперь, дожив до пятидесяти одного года, он поплатился за нее жизнью. Прошу вас, взывал он сквозь приступы кашля, если вы курите, остановитесь!

Джерри Фернандес и Пуделиха переглянулись.

Вспоминая о том, что он теряет в жизни, Джекоб заговорил невыносимо печально: жена, дети, внуки, друзья, рыбалка на островах и так далее. Селеста, сидевшая рядом с Рором, тихо заплакала, а вскоре и третий номер, Милли Дапри, соседка Николаса, стала вытирать глаза бумажным носовым платком.

Наконец первый свидетель произнес свои последние слова, и экраны погасли. Его честь поблагодарил присяжных за отличную работу в первый день слушаний и выразил надежду, что завтрашний окажется не менее плодотворным. Потом, посерьезнев, пустился в суровые наставления, напоминая, что обсуждать обстоятельства дела нельзя ни с кем, даже с супругами. И что еще важнее, если кто бы то ни было каким бы то ни было способом попытается вступить в контакт с присяжным, следует немедленно проинформировать об этом суд. Он вдалбливал им все это добрых десять минут, после чего распустил наконец до девяти часов утра.

Фитч и прежде подумывал о том, чтобы осмотреть квартиру Истера, но теперь это стало необходимостью. Он послал в дом, где жил Николас, Хосе и сыщика по имени Дойл. Истер в этот момент, разумеется, был заперт в ложе присяжных и разделял страдания Джекоба Вуда. За ним внимательно следили два человека Фитча на случай, если слушание будет неожиданно прервано.

Хосе остался в машине у телефона и наблюдал за входной дверью, за которой скрылся Дойл. Дойл поднялся на один лестничный пролет и увидел дверь с номером 312 в конце слабо освещенного коридора. Из соседних квартир не доносилось ни звука. Все были на работе.

Он подергал разболтавшуюся дверную ручку, затем просунул в замочную скважину восьмидюймовую пластмассовую пластинку. Замок щелкнул, и ручка повернулась. Дойл тихонько толкнул дверь, приоткрыл ее дюйма на два и подождал, не включится ли сигнализация. Ничего. Дом был старый и дешевый, то, что в нем не оказалось никакой сигнализации, Дойла не удивило.

Через мгновение он уже был внутри. С помощью миниатюрного фотоаппарата со встроенной вспышкой он быстро снял кухню, каморку-гостиную, ванную и спальню. Крупным планом сфотографировал журналы на дешевом журнальном столике, книги, собранные в стопки на полу, лазерные диски на крышке проигрывателя и разбросанную повсюду одежду. Стараясь ничего не трогать, он нашел в гардеробе серый пуловер с красной отделкой и запечатлел его тоже. Открыл холодильник, сфотографировал его содержимое, затем проделал то же самое с комодом, сделал снимок пространства под раковиной.

Квартирка была маленькой и дешево обставленной, но хозяин, судя по всему, старался держать ее в чистоте. Кондиционер то ли был выключен, то ли не работал. Дойл сфотографировал термостат. Он находился в квартире менее десяти минут, но успел отснять уже две пленки и прийти к заключению, что Истер действительно жил один. Никаких следов пребывания другого человека, особенно женщины, не наблюдалось.

Дойл тщательно запер дверь и удалился. Через десять минут он уже входил в офис Фитча.

Николас ушел из суда пешком. По дороге случайно он остановился у закусочной О'Рейли в Старом рынке, где купил полфунта копченой индейки и коробочку гарнира из макарон. Не спеша дошел до дома, наслаждаясь солнечным светом после целого дня, проведенного в помещении. В угловом магазинчике купил бутылку холодной минеральной воды и выпил ее на ходу. Понаблюдал за чернокожими ребятами, отчаянно сражавшимися в баскетбол на автомобильной стоянке перед церковью. Нырнул в тенистый небольшой сквер и на минуту почти потерял из виду свою тень. Однако, когда, потягивая воду из горлышка, он вынырнул из сквера с другой стороны, сомнения в том, что за ним следят, рассеялись полностью. Одна из ищек Фитча, маленький азиат Пэнг в бейсбольной кепочке, почти ударился в панику, когда его подопечный вошел в сквер. Николас наблюдал за ним сквозь шеренгу высоких самшитовых кустов.

Подойдя к своей двери, Николас отодвинул щиток и набрал четырехзначный код. Крохотный красный огонек сменился зеленым, и он отпер дверь.

Камера наблюдения была спрятана в вентиляционном отверстии прямо над холодильником и давала полную панораму кухни и гостиной, видна была также дверь в спальню. Николас проследовал прямо к компьютеру и через несколько секунд уже знал, что, во-первых, никто не пытался его включить и, во-вторых, что ровно в 4.52 произошло НВК – незаконное вторжение в квартиру.

Он глубоко вздохнул, огляделся и решил внимательно все обследовать, хотя и предполагал заранее, что не обнаружит видимых следов вторжения. Дверь выглядела так же, как утром: ручка разболтанна, при желании легко открывается, если посильнее нажать. Кухня и гостиная оставались в точности такими, какими он оставил их. Единственные скольконибудь ценные вещи, какие у него были, – стереопроектор, лазерные диски, телевизор и компьютер никто не трогал. В спальне он не обнаружил следов ни грабежа, ни какого-нибудь иного преступления. Вернувшись к компьютеру, Николас затаив дыхание ждал появления картинки. «Пролистав» целый ряд файлов и найдя наконец нужную программу, он остановил видеозапись, которая велась скрытой камерой, нажал кнопку обратной перемотки и остановил перемотку, когда хронометр показал 4.52. Вот так! На черно-белом шестнадцатидюймовом мониторе приоткрылась входная дверь. Объектив тут же автоматически нацелился на нее. Вошедший подождал, не включится ли сигнализация. Нет. Потом дверь открылась шире, и в комнату вошел человек. Николас остановил запись и внимательно взгляделся в лицо на мониторе. Он никогда прежде не видел его.

Николас снова пустил запись, и человек, поспешно достав из кармана фотоаппарат, начал все фотографировать. Он сунул нос во все углы, ненадолго исчез за дверью спальни, где продолжил, видимо, свою съемку. С минуту разглядывал компьютер, но не прикоснулся к нему. Николас улыбнулся: в его компьютер все равно никто не мог бы войти. Этот болван не сумел бы даже включить его в сеть.

Человек пробыл в квартире девять минут тринадцать секунд. Николас мог лишь теряться в догадках, почему он пришел именно сегодня. Легче всего было предположить, что Фитч точно знал: пока идет заседание суда, квартира будет пустой.

В этом визите не было ничего страшного, Николас ожидал его. Он просмотрел запись еще раз, посмеялся про себя и переписал ее в память компьютера.

Глава 7

Когда на следующее утро Николас Истер вышел из дому и окинул взором автостоянку, в микроавтобусе, оборудованном для наблюдения за объектом, сидел сам Фитч. Согласно логотипу на дверце, фургон принадлежал водопроводчику, здесь же зеленой краской по трафарету был начертан фиктивный номер телефона.

– Вот он, – объявил Дойл, и все вскочили с мест. Фитч схватил окуляр, быстро навел его через тонированное боковое окно и выругался.

– Что там? – спросил Пэнг, кореец-техник, который накануне следил за Николасом.

Фитч прильнул к круглому окну, открыв рот:

– Черт меня побери! Серый пуловер, брюки цвета хаки, белые носки и коричневые кожаные туфли.

– Тот самый пуловер, что на фотографии?

– Да.

Пэнг нажал кнопку на портативной радиации и предупредил наблюдательный пункт, находившийся в двух кварталах от них. Истер идет пешком, двигается в направлении суда.

В том же угловом магазине-закусочной Николас взял большую чашку черного кофе, купил газету и минут двадцать, сидя на обычном месте и потягивая кофе, просматривал новости. Сквозь темные очки, красовавшиеся у него на носу, он наблюдал за всеми, кто проходил мимо.

Фитч проследовал прямо к себе в офис вместе с Дойлом, Пэнгом и бывшим агентом ФБР по фамилии Свенсон.

– Необходимо найти девицу, – снова и снова повторял Фитч. Был разработан план, согласно которому один человек должен был постоянно находиться в зале и сидеть в заднем ряду, другой снаружи, на верхней лестничной площадке, третий – возле автоматов с водой на нижнем этаже и еще один с рацией – на улице. После каждого перерыва им следовало меняться постами. Всем роздали весьма неопределенное описание внешности девицы. Фитч решил, что будет сидеть точно на том же месте, на котором сидел накануне, и делать то же, что делал.

Свенсон, специалист по наружному наблюдению, сомневался, что эта суета к чему-нибудь приведет.

– Не работает, – сказал он.

– Почему? – поинтересовался Фитч.

– Потому что она вас увидит. Она что-то хочет сообщить, следовательно, следующий шаг сделает сама.

– Может быть. Но мне нужно знать, кто она.

– Расслабьтесь. Она вас найдет.

Фитч спорил с ним почти до девяти часов, потом проворно побежал в суд. Дойл поговорил с охранником и убедил его показать им девушку, если та вдруг появится.

В пятницу Николас выбрал Рикки Коулмен, чтобы поболтать за кофе и круассаном. Это была привлекательная тридцатилетняя женщина, замужняя, мать двоих детей, работала она регистратором в частной больнице в районе порта и была фанатом здоровья: не признавала ни кофеина, ни алкоголя, ни, разумеется, никотина. Свои соломенные волосы стригла коротко, под мальчика, а ее очаровательные голубые глаза сквозь очки в изящной оправе выглядели даже еще красивее. Потягивая апельсиновый сок, она сидела в углу и читала «Ю-эс-эй тудей», когда заглянувший в комнату Николас заговорил с ней:

– Доброе утро. Мы, кажется, вчера официально не познакомились?

Она улыбнулась, что делала всегда легко и охотно, и протянула руку:

– Рикки Коулмэн.

– Николас Истер. Рад познакомиться.

– Спасибо за вчерашний обед, – вспомнила она и рассмеялась.

– Не за что. Можно присесть? – Он кивнул в сторону складного стула, стоявшего рядом с ней.

– Конечно. – Она опустила газету на колени.

Все двенадцать присяжных были уже в сборе и, разбившись на группы, болтали кто о чем. Херман Граймз в одиночестве восседал за столом, на своем любимом председательском месте, обеими руками держа чашку с кофе и, без сомнения, прислушиваясь, не обсуждает ли кто-нибудь сюжетов, связанных с судом. Лонни Шейвер тоже в одиночестве сидел за столом, просматривая распечатки со своего служебного компьютера. Джерри Фернандес вышел покурить с Пуделихой.

– Ну, как вам нравится быть присяжным? – спросил Николас.

– Не так уж интересно.

– Не пытался ли кто-нибудь подкупить вас вчера вечером?

– Нет. А вас?

– Увы. Это очень плохо, судья Харкин будет страшно разочарован, если никто не попытается нас подкупить.

– Почему он все время напоминает о недозволенности контактов?

Николас чуть-чуть, не слишком близко, склонился к ней. Она тоже слегка приблизилась к нему и скосила взгляд на председателя, словно тот мог их видеть. Обоим доставляла удовольствие приватность беседы. Как это нередко случается между двумя физически привлекательными людьми, они почувствовали взаимное притяжение, возникло нечто вроде невинного флирта.

– Потому что прежде такое случалось, и не раз, – почти шепотом объяснил Николас. От кофейного стола послышался смех. Миссис Глэдис Кард и миссис Стелла Хьюлик вычитали что-то забавное в местной газете.

– Что «случалось»? – спросила Рикки.

– Подкуп присяжных в «табачных» делах. В сущности, это случается почти всегда и обычно бывает делом рук защиты.

– Не понимаю, – сказала Рикки. Она всему верила и хотела получить как можно больше информации от парня, который два года проучился на юриста.

– По стране уже прокатилась целая волна таких дел, но табачным компаниям еще ни разу не был вынесен обвинительный приговор. Они тратят на это многие миллионы, потому что не могут позволить, чтобы был создан прецедент. Стоит им проиграть один раз – и начнется обвал. – Николас сделал паузу, осмотрелся и отхлебнул кофе. – Вот почему они используют всевозможные грязные трюки.

– Например?

– Например, предлагают деньги членам семей присяжных. Или распространяют слухи, что покойный, кем бы он ни был, имел четырех подружек, бил жену, крал вещи у друзей, посещал церковь только по случаю отпеваний, а сын у него – гомосексуалист.

Она недоверчиво подняла брови. Тогда он продолжил:

– Это правда, юристы хорошо это знают. И судье Харкину это прекрасно известно, поэтому-то он так настойчиво нас и предупреждает.

– А разве этим людям нельзя помешать?

– Пока не удавалось. Они очень ловки, находчивы, совершенно бесчестны и не оставляют никаких следов. Кроме того, они располагают миллионами. – Он помолчал, давая ей

возможность рассмотреть себя. – Они досконально изучили каждого из нас еще до того, как нас выбрали в жюри.

– Не может быть!

– Именно так. Для больших процессов это рутинная процедура. По закону им запрещено вступать в прямые контакты с кем-либо из кандидатов в присяжные, но они знают множество обходных путей. Вероятно, они фотографировали ваш дом, машину, детей, мужа, место вашей работы. Могли беседовать с вашими сослуживцами или установить подслушивающие устройства в вашем кабинете или там, где вы обычно обедаете. Вы никогда ничего и не узнаете.

Она поставила свой стакан с апельсиновым соком на подоконник.

– Но это же, наверное, незаконно, или неэтично, или представляет собой какое-то иное нарушение.

– Нарушение. Но им все сходит с рук, потому что вы ведь ни о чем не догадываетесь.

– Но вы-то догадываетесь.

– Да. Я видел фотографа в машине возле моего дома. И они посылали женщину в магазин, где я работаю, чтобы спровоцировать меня на споры относительно запрета курения. Я знаю все, что они делают.

– Так вы же сказали, что прямые контакты запрещены?

– Конечно. А кто утверждает, что они играют честно? Совсем наоборот. Они нарушают все возможные правила, чтобы одержать победу.

– А почему вы не рассказали об этом судье?

– Потому что все это было безобидно и потому что я знаю все, что они делают. Теперь я – член жюри присяжных и контролирую каждый их шаг.

Максимально разбередив ее любопытство, Николас решил, что дальнейшие разоблачения следует приберечь на потом. Он взглянул на часы и резко поднялся.

– Думаю, надо сбегать в заведение для мальчиков, пока нас не позвали в зал.

Лу Дэлл ворвалась в комнату, едва не сорвав дверь с петель.

– Пора! – строго сказала она. И при этом весьма напоминала воспитателя детского лагеря, пользующегося гораздо меньшим авторитетом, чем ему кажется.

Народу в зале по сравнению с предыдущим днем поубавилось чуть ли не вдвое. Пока присяжные рассаживались, подкладывая под себя для удобства мягкие подушки-сиденья, Николас осмотрел присутствующих. Как и следовало ожидать, Фитч сидел на том же месте, на сей раз притворяясь, будто читает газету и на жюри ему в высшей степени наплевать, в том числе и на то, как одет Истер. Он внимательно изучит все это потом. Репортеров почти не было, хотя время от времени кто-нибудь из них появлялся, а затем снова исчезал. Типам с Уолл-стрит, казалось, уже порядком все надоело: все они были молоды, только что со студенческой скамьи, и на Юг их послали как новобранцев – у их боссов нашлись дела поважнее. Миссис Херман Граймз занимала то же место. Интересно, будет ли она сидеть здесь все дни напролет, внимательно слушать все, что происходит, чтобы быть готовой в любую минуту помочь мужу бросить жребий? – подумал Николас.

Он не сомневался, что рано или поздно увидит человека, вторгшегося в его квартиру, может быть, не сегодня, но в какой-то момент судебного процесса – наверняка. Пока что его в зале не было.

– Доброе утро, – произнес судья Харкин, обращаясь к жюри, после того как все успокоились. Участники процесса дружно улыбались: судья, служащие суда, даже адвокаты, прекратившие перешептываться, одарили присяжных фальшивыми улыбками. – Надеюсь, все чувствуют себя хорошо. – Судья сделал паузу, чтобы убедиться, что все пятнадцать голов неловко, но утвердительно кивнули. – Отлично. Госпожа секретарь жюри уведомила меня,

что все готовы работать весь день. – Забавно было представить себе Лу Дэлл в качестве «госпожи».

Его честь взял со стола листок с вопросами, которые члены жюри скоро возненавидят, откашлялся и принял серьезный вид.

– Итак, дамы и господа – члены жюри, я задам вам ряд вопросов, очень важных вопросов, и хочу, чтобы вы ответили на них максимально ответственно. Я также обязан напомнить, что если вам есть что сообщить, но вы не сделаете этого, причем абсолютно честно, то навлекете на себя обвинение в неуважении к суду, которое карается тюремным заключением.

Он дал время всем присутствующим осознать серьезность своего предупреждения. Присяжные невольно почувствовали себя заранее виноватыми. Убедившись, что слова его до всех дошли, судья начал задавать вопросы: пытался ли кто-нибудь обсуждать с вами обстоятельства дела? Не поступило ли вам каких-нибудь странных телефонных звонков с момента окончания вчерашнего вечернего заседания? Не заметили ли вы, чтобы кто-нибудь наблюдал за вами или за членами вашей семьи? Не слышали ли вы каких-нибудь сплетен или слухов относительно чего или кого бы то ни было, имеющих отношение к процессу? Об адвокатах? О свидетелях? Не пытался ли кто-нибудь вступить в контакт с вашими друзьями или членами вашей семьи на предмет разговора о нынешнем процессе? Не задавал ли вам кто-нибудь из ваших друзей или членов семьи вопросов, связанных со вчерашним заседанием? Не видели ли вы или не получали каких бы то ни было письменных материалов, в которых каким-то образом упоминалось бы нечто, связанное с процессом?

После каждого вопроса судья делал паузу и вопросительно обводил взглядом всех присяжных, затем с явным разочарованием возвращался к своему списку.

Именно атмосфера ожидания, сопровождавшая этот опрос, более всего удивила присяжных. Адвокаты буквально впились в их лица, уверенные, что какой-нибудь чертов ответ все же последует. Даже служащие, обычно занятые переключением бумаг, вещественных доказательств или массой не имеющих отношения к процессу дел, застыли в ожидании: кто же из присяжных сделает признание? Сердитый взгляд и взлетающие после каждого вопроса брови судьи Харкина словно бы бросали вызов честности каждого присяжного. Их молчание он, похоже, считал не чем иным, как ложью.

Закончив, он тихо произнес: «Благодарю вас», и по залу пронесся вздох. Присяжным показалось, что они пережили вооруженное нападение. Судья отхлебнул кофе из высокого стакана и улыбнулся Уэнделу Рору:

– Вызовите вашего следующего свидетеля, адвокат.

Рор встал – большое коричневое пятно на мятой белой рубашке, галстук, как всегда, набок, поношенные, день ото дня становящиеся все более грязными туфли. Он кивнул и тепло улыбнулся присяжным, и они не удержались от ответной улыбки.

Специальному человеку из группы роровских экспертов было поручено записывать все, связанное с одеждой присяжных. Если кто-нибудь из пяти присяжных-мужчин наденет ковбойские сапоги, у Рора наготове стояла пара таких старых сапог. Даже две – с острыми носами и с круглыми. В нужный момент он наденет кроссовки. Один раз, вслед за каким-то присяжным, он уже их надевал. Судья, не Харкин, другой, даже сделал ему реприманд по этому поводу в перерыве. Рор объяснил, что у него болят ноги, и даже предъявил справку от врача. Он мог надеть вельветовые брюки цвета хаки, плетеный галстук, синтетический спортивный пиджак, ковбойский пояс, белые носки, дешевые мокасины (либо до блеска начищенные, либо потрепанные). Его эклектичный гардероб был подобран так, чтобы всегда соответствовать одежде тех, кто вынужден сидеть в зале суда и по шесть часов в день слушать его.

– Мы вызываем доктора Милтона Фрике, – объявил он.

Доктор Фрике произнес клятву, сел на свидетельское место, и бейлиф приколот ему микрофон. Вскоре всем стало ясно, что он большой ученый: множество дипломов об окончании всевозможных учебных заведений, сотни публикаций в журналах, семнадцать книг, многолетний преподавательский опыт, десятилетия исследований в области воздействия курения на организм человека. Это был маленький мужчина с совершенно круглым лицом, в черных роговых очках. На вид – гений. Рору понадобился почти час, чтобы представить поразительный список свидетельств его высочайшей квалификации. Когда наконец ни у кого не осталось сомнений в том, что Фрике – настоящий эксперт, Дурр Кейбл выразил свое пренебрежительное отношение к нему, заявив: «Признаем, что в своей области доктор Фрике сведущ». Это должно было прозвучать отрезвляюще.

Область интересов доктора Фрике действительно вот уже много лет сводилась к исследованию воздействия табакокурения на организм человека, этому занятию он посвящал по десять часов в сутки. Фрике был директором Научно-исследовательского института последствий курения в Рочестере, Нью-Йорк. Присяжные узнали, что Рор нанял его еще до кончины Джекоба Вуда и что он присутствовал при вскрытии, проведенном через четыре часа после смерти мистера Вуда, во время которого сделал несколько снимков.

Рор подчеркивал, что имеются фотографии, которые присяжным будут, без сомнения, продемонстрированы, но делать это не спешил, он хотел извлечь как можно больший эффект из присутствия в суде выдающегося специалиста по химии и фармакологии курения. Фрике вел себя как настоящий профессор. Он популярно описывал скучнейшие научные и медицинские процессы, избегал высоких слов и старался, чтобы присяжные поняли то, что он хотел до них донести. Свидетель был убедителен и ничуть не скован.

Когда судья Харкин объявил перерыв, Рор сообщил суду, что доктор Фрике останется в зале до конца дня.

Обед уже ждал присяжных, его подавал сам мистер О'Рейли, который принес свои искренние извинения за то, что случилось накануне.

– Бумажные тарелки и пластмассовые вилки? – сказал Николас, когда присяжные рассаживались за столом. Сам он не сел. Мистер О'Рейли посмотрел на Лу Дэлл.

– Ну и что? – спросила она.

– А то, что мы специально оговорили, что хотим есть на настоящих тарелках и пользоваться настоящими вилками. Разве не так? – Голос его начинал звенеть, и некоторые присяжные смущенно отвернулись. Они просто хотели есть.

– Что плохого в бумажных тарелках? – нервно спросила Лу Дэлл, ее челка затряслась.

– Они впитывают жир, не так ли? Становятся масляными и оставляют следы на столе, понимаете? Вот почему я особо просил, чтобы тарелки были настоящими и вилки тоже. – Он взял белую пластмассовую вилку, переломил пополам и выбросил в мусорную корзину. – И что бесит меня больше всего, Лу Дэлл, так это то, что в этот самый момент судья Харкин, адвокаты, их клиенты, свидетели, служащие суда, зрители – все, кто имеет отношение к процессу, обедают в хорошем ресторане, пьют из настоящих стаканов, едят на настоящих тарелках, настоящими вилками, которые не переламываются пополам. И заказывают хорошую еду из весьма богатого меню. Вот что меня бесит. А мы, присяжные, самые главные действующие лица этого проклятого процесса, торчим здесь взаперти, словно первоклашки, ожидающие, пока им принесут печенье с лимонадом.

– Эта еда очень хорошая, – сказал в свое оправдание мистер О'Рейли.

– Думаю, вы немного преувеличиваете, – заметила, обращаясь к Николасу, миссис Глэдис Кард, чопорная маленькая дама с седыми волосами и сладким голосом.

– Тогда ешьте свой мокрый сандвич и не вмешивайтесь, – весьма грубо огрызнулся Николас.

– Вы что, каждый раз за обедом собираетесь валять дурака? – обратился к Николасу Фрэнк Эррера, отставной полковник откуда-то с Севера. Эррера был невысок, но осанист, с маленькими ручками и, как выяснилось, собственным мнением по любому поводу. Он один по-настоящему огорчился из-за того, что не его избрали председателем жюри.

Джерри Фернандес уже окрестил его Наполеоном. Наполеоном для бедных. Или Полковником Замедленного Действия.

– Вчера вы, кажется, не возражали, – парировал Николас.

– Давайте есть. Я умираю от голода, – сказал Фернандес, разворачивая свой сандвич.

Несколько присяжных последовали его примеру. Над столом поплыл запах жареных цыплят и чипсов. Поставив на стол коробочки с салатом-пастой, мистер О’Рейли сказал:

– Я с удовольствием принесу в понедельник настоящие тарелки и вилки. Никаких проблем.

– Благодарю вас, – тихо сказал Николас и сел.

Дело не представляло особой сложности. Двое друзей разработали детальный план во время обеда в клубе «21» на Пятьдесят второй улице, длившегося три часа. Лютер Вандемиер, сотрудник администрации «Трелко», и его бывший протеже Лэрри Зелл, работавший теперь в «Листинг фудз», в общих чертах обговорили его по телефону, теперь им надо было встретиться наедине, чтобы уточнить все без чужих ушей. Вандемиер изложил тревожные события, случившиеся в последние часы в Билокси, не скрывая своей озабоченности. «Трелко», конечно, не была непосредственной ответчицей, но под угрозой оставалась вся табачная индустрия, и Большая четверка стояла насмерть. Зелл это знал. Он работал на «Трелко» семнадцать лет и давно возненавидел всех судейских адвокатов.

В Пенсаколе существовала небольшая компания продовольственных магазинов «Хэдли бразерз», которая только что случайно приобрела несколько магазинов на побережье штата Миссисипи. Один из них находился в Билокси, и его управляющим был сообразительный чернокожий по имени Лонни Шейвер. Лонни Шейвер как раз оказался членом жюри присяжных там, в Билокси. Вандемиер хотел, чтобы «Суперхаус», гораздо более крупная торговая компания Джорджии и Каролины, за любую цену купила «Хэдли бразерз». А «Суперхаус» была наряду с двадцатью или около того другими торговыми компаниями подразделением «Листинг фудз». Это будет небольшая сделка – люди Вандемиера провели их уже немало, – которая обойдется «Листинг фудз» не более чем в шесть миллионов.

«Хэдли бразерз» – компания частная, поэтому сделка останется незамеченной. В прошлом году «Листинг фудз» заработала два миллиарда, что ей шесть миллионов! В кассе компании восемьдесят миллионов наличными, и у нее почти нет долгов. А чтобы подсластить пилюлю, Вандемиер пообещал, что года через два «Трелко» тихонько перекупит «Хэдли бразерз», если Зелл захочет от нее избавиться.

Никаких подозрений возникнуть не должно. «Листинг» и «Трелко» ничего общего между собой не имеют. «Листинг» давно владеет множеством других торговых сетей. «Трелко» официально не вовлечена в тяжбу. Просто дружеский уговор между двумя старыми приятелями.

Позднее, разумеется, нужно будет перетряхнуть персонал «Хэдли бразерз» – обычная перестройка, сопровождающая любую смену владельца или новацию, как это ни назови. Вандемиер передаст Зеллу кое-какие инструкции, которые следует спустить по цепочке, чтобы требуемое давление достигло Лонни Шейвера.

И сделать это нужно быстро. Предполагается, что суд продлится всего четыре недели. Через несколько часов первая из них уже истечет.

Вздremнув немного в своем кабинете в центре Манхэттена, Лютер Вандемиер позвонил в Билокси и оставил сообщение для Рэнкина Фитча: перезвонить ему в Хэмптонз после выходных.

Офис Фитча находился в задней части пустовавшего магазина грошовой лавки, закрывшейся много лет назад. Арендная плата была невелика, места для парковки машин – полно, никто не обращал внимания на этот дом, и находился он в двух шагах от суда. В офисе было пять больших комнат, наспех отделанных некрашеными фанерными панелями. На полах все еще лежала свежая стружка. Мебель, очень дешевую, взяли напрокат, она состояла в основном из складных столов и пластмассовых стульев. Флуоресцентные лампы излучали яркий свет. Внешнюю дверь укрепили и оборудовали надежной сигнализацией. Два вооруженных охранника несли круглосуточное дежурство.

Если на отделку помещения затратили копейки, то на оборудование ничего не пожалели. Все было уставлено компьютерами и мониторами. По полу везде беспорядочно тянулись провода от факсов, ксероксов и телефонов. Фитч располагал новейшими достижениями техники и специалистами, умевшими ими управлять.

В одной из комнат на стене висели большие фотопортреты пятнадцати присяжных. У другой стены стояли принтеры. К третьей была прикреплена огромная таблица. Один из сотрудников как раз вносил какие-то новые сведения в графу «Глэдис Кард».

В заднюю комнату, самую маленькую, сотрудникам низших рангов вход был заказан, хотя все знали, что в ней происходит. Дверь автоматически запиралась изнутри, и ключ от нее имел только Фитч. Это была просмотровая, без окон, с огромным экраном на стене и полудюжиной удобных кресел. В пятницу вечером Фитч с двумя экспертами сидели там в темноте, уставившись на экран. Эксперты предпочитали не вступать в разговоры с Фитчем, и Фитч, похоже, тоже не был расположен к беседе. Полная тишина.

Съемка производилась камерой «Юмара XLT-2», крохотным аппаратом, умещавшимся где угодно. Диаметр объектива – полдюйма, вес камеры – менее фунта. Благодаря искусству одного из мальчиков Фитча она находилась сейчас в потрепанном коричневом кожаном кейсе, стоявшем в зале суда на полу под столом адвокатов защиты, за ним бдительно наблюдал Оливер Макэду, вашингтонский адвокат – единственный чужак, выбранный Фитчем заседать вместе с Кейблом и остальными. В обязанности Макэду входило вырабатывать стратегию, улыбаться присяжным и снабжать Кейбла документами. Истинная его задача, о которой знали лишь Фитч и несколько его сотрудников, состояла в том, чтобы каждый день приходить в зал заседаний вооруженным для боевых действий всевозможными приспособлениями, в том числе двумя большими, абсолютно одинаковыми коричневыми кейсами, в одном из которых находилась видеокамера, и садиться приблизительно на одно и то же место. Каждое утро он первым из адвокатов защиты появлялся в зале, ставил чемодан так, чтобы объектив оказался направленным на ложу жюри, затем быстро звонил Фитчу по сотовому телефону.

Во время судебных заседаний по залу бывало разбросано до двадцати кейсов: большинство сосредоточивалось под адвокатскими столами, но несколько всегда стояло возле секретарских мест, несколько – под стульями, на которых сидели юристы рангом пониже, несколько оказывалось прислоненными даже к барьеру, словно кем-то забытые. Хотя все они отличались друг от друга цветом и размером, в общем выглядели приблизительно одинаково, в том числе и кейсы Макэду. Один из них он время от времени открывал, чтобы извлечь из него какие-нибудь бумаги, но другой, в котором находилась камера, был заперт так, что открыть его можно было лишь взорвав замок. Стратегия Фитча была простой – если по какой-либо невысказанной причине камера привлечет чье-то внимание, Макэду в суете, которая поднимется, просто подменит чемоданы, и тогда – да поможет ему Бог.

Разоблачение было маловероятно. Камера работала бесшумно, так что человеческое ухо не могло уловить сигнал. Чемоданчик стоял в непосредственной близости от множества ног, и порой его сдвигали или даже сбивали, но настройка была чрезвычайно простой. Мак-эду нужно было лишь найти тихое местечко и позвонить Фитчу. Они довели систему до совершенства во время процесса «Симмино» в Аллентауне в прошлом году.

Технология была изумительной: крохотный объектив панорамировал всю ложу присяжных, посылая цветное изображение пятнадцати лиц в маленькую просмотровую Фитча, где весь день дежурили два консультанта, внимательно изучавшие малейшее подергивание мышц и каждый зевок.

В зависимости от того, что происходило в ложе присяжных, Фитч в конце дня наставлял Дурра Кейбла, на что должна обратить внимание его бригада. Ни Кейбл, ни местные адвокаты защиты понятия не имели о камере.

В пятницу днем, во время драматического допроса свидетеля, камера, как всегда, работала. Жаль, что она была наведена только на ложу присяжных. Японцам следует усовершенствовать свое изобретение, с тем чтобы камера могла, оставаясь внутри запертого чемодана, сама менять угол наблюдения и останавливаться на наиболее интересных объектах. Имевшаяся в наличии камера, увы, не могла показать увеличенные фотографии сморщенных, почерневших легких Джекоба Вуда, но присяжные их, безусловно, видели. Когда Рор и доктор Фрике разыграли свой сценарий до конца, все присяжные без исключения, в ужасе разинув рты, застыли, уставившись на свидетельство кошмарных последствий курения, медленно убивавших Джекоба Вуда в течение более тридцати пяти лет.

Рор идеально отхронометрировал сценарий: когда доктор Фрике в пятнадцать минут шестого заканчивал свои показания и на стенде перед свидетельским местом появились две большие фотографии, настала пора объявлять перерыв на выходные. Последним зрительным образом, который будет неотступно преследовать присяжных в течение двух дней и навсегда запечатлится в их памяти, будет изображение обуглившихся легких на белой простыне, извлеченных из мертвого тела.

Глава 8

Истер сделал так, чтобы проследить за ним в выходные не составляло никакого труда. Покинув в пятницу здание суда, он пошел в закусочную О'Рейли, где между ним и мистером О'Рейли состоялся тихий разговор. Можно было видеть, что оба они улыбаются. Истер накупил полную сумку еды и большую бутылку воды, потом проследовал прямо домой и весь вечер никуда не выходил. В субботу в восемь часов утра он поехал в свой торговый центр, где отработал двенадцатичасовую смену, продавая компьютеры и приспособления к ним. Обедал он со своим коллегой – подростком Кевином в закусочной на открытом воздухе, ели тако и жареные бобы. Никаких видимых контактов с девицей, которая хотя бы отдаленно напоминала ту, что они искали, замечено не было. Вернувшись домой после работы, он никуда больше не выходил.

Воскресенье принесло приятный сюрприз. В восемь часов утра он вышел из дома и поехал в гавань, где стояли яхты. Там он встретился не с кем иным, как с Джерри Фернандесом. Последний раз их видели, когда они отплывали в тридцатифутовой рыбацкой лодке вместе с еще двумя мужчинами – предположительно друзьями Джерри. Восемь с половиной часов спустя они вернулись с обгоревшими лицами, большим холодильным ящиком, набитым морской рыбой неопознанных пород, и полной лодкой пустых банок из-под пива.

Рыбалка была главным среди известных увлечений Николаса. А Джерри стал первым среди его новых друзей.

Девушка как сквозь землю провалилась, у Фитча почти не осталось надежды найти ее. Видимо, терпения ей было не занимать, и это само по себе сводило с ума. Первый шаг, сделанный ею, почти наверняка был началом пути, по которому она должна сделать и второй, и третий. Но ожидание казалось мукой.

Впрочем, Свенсон, бывший агент ФБР, был уверен, что в течение предстоящей недели она непременно даст о себе знать. План ее действий, что бы он собой ни представлял, был рассчитан на продолжение контакта.

Ждать пришлось всего лишь до утра понедельника, она объявилась за тридцать минут до начала заседаний. Адвокаты уже прибыли и, сбившись маленькими группками, заговорщически о чем-то шептались. Судья Харкин в своем кабинете разбирался с чрезвычайным обстоятельством, возникшим в ходе расследования уголовного дела. Присяжные собирались в своей комнате. Фитч пребывал у себя в «бункере» в полной боевой готовности. Его помощник, молодой человек по имени Конрад, ас по части микрофонов, проводов, звукозаписи и всевозможных высокотехнологичных средств наблюдения, появившись на пороге открытого кабинета, сообщил:

– Там звонят по телефону, вероятно, вам это будет интересно.

Фитч, уставившись на Конрада, как обычно, моментально проанализировал ситуацию. Все телефонные звонки, даже звонки от его доверенного секретаря в Вашингтоне, поступали на пульт и переключались на его аппарат по внутренней системе связи.

– А в чем дело? – спросил он с явной настороженностью.

– Она говорит, что у нее для вас новое сообщение.

– Имя?

– Она не назвалась. Она вообще разговаривает очень робко, но уверяет, что это весьма важно.

Фитч еще повременил, уставившись на мигающий сигнал одного из своих телефонных аппаратов.

– Можешь предположить, как она узнала наш номер?

– Нет.

- Можешь засечь, откуда она звонит?
- Да. Только дайте нам минуту времени, подержите ее на линии.
- Фитч нажал кнопку на аппарате и снял трубку.
- Да? – произнес он со всей любезностью, на какую был способен.
- Это мистер Фитч? – спросила она весьма бодро.
- Да. А вы кто?
- Марли.

Имя! Он выждал секунду. Все телефонные разговоры автоматически записывались на пленку, позднее он сможет проанализировать запись.

- Доброе утро, Марли. А фамилия у вас есть?
- Да. Присяжный номер двенадцать, Фернандес, войдет в зал суда минут через двадцать, в руке у него будет «Спортс иллюстриейд» за 12 октября с портретом Дэна Марино на обложке.
- Понятно, – медленно проговорил он, делая вид, что записывает. – Что-нибудь еще?
- Нет. Пока все.
- А когда ждать следующего вашего звонка?
- Не знаю.
- Как вы узнали номер телефона?
- Без труда. Так не забудьте, номер двенадцать, Фернандес. – Послышался щелчок, она повесила трубку. Фитч нажал другую кнопку, потом двузначный код. Динамик, которым был снабжен аппарат, воспроизвел весь разговор.

Тем временем Конрад уже вбегал в кабинет с компьютерной распечаткой.

- Звонок сделан из автомата в порту, установленного в магазине «Все для дома».
- Какой сюрприз! – сказал Фитч, хватая пиджак и подтягивая галстук. – Как понимаешь, я бегу в суд.

Николас дождался, пока большинство его коллег либо расселись за столом, либо стояли поблизости, и, когда наступила небольшая пауза в общей беседе, громко произнес:

- Ну что, пытались кого-нибудь преследовать или подкупить за эти выходные? Смешки и гримасы. Признаний не последовало.
- Мой голос, разумеется, не продается, но сдается в аренду. – Фернандес повторил финал анекдота, услышанного накануне во время рыбалки от Николаса. Всем, кроме Хермана Граймза, это показалось смешным.
- Почему он постоянно читает нам лекции? – спросила Милли Дапри, явно обрадованная тем, что кто-то сломал наконец лед, и сгорающая от желания посплетничать. Остальные подтянулись поближе и слегка склонили головы к центру образовавшейся группы, чтобы услышать, что думает по этому поводу бывший студент-юрист. Рикки Коулмен осталась сидеть в углу с газетой в руках. Она это уже слышала.
- Такие процессы проводились и раньше, – неохотно объяснил Николас. – И тогда случались неприятности с присяжными.
- Не думаю, что мы можем это обсуждать, – прервал его Херман Граймз.
- Почему? Это не принесет никому никакого вреда. Мы же не обсуждаем свидетельские показания или доказательства. – Возражение Николаса звучало авторитетно. Херман колебался.
- Судья не велел вообще говорить о процессе, – возразил он, надеясь, что кто-нибудь его поддержит. Таких не нашлось. Арена осталась за Николасом, и он продолжил:
- Расслабьтесь, Херман. Речь ведь не идет о показаниях или о вещах, которые нам все равно предстоит обдумать. Речь о... – для пущей важности он сделал вид, что колеблется, затем все же сказал: – О тайном давлении на жюри.

Лонни Шейвер отложил распечатки накладных и ведомостей из своего магазина и придвинулся поближе к столу. Рикки тоже прислушалась. Джерри Фернандес все это слышал вчера на рыбалке, но и он не мог преодолеть искушения.

– Процесс над табакопроизводителями, очень похожий на нынешний, проходил лет семь назад в округе Квитмен, здесь, в Миссисипи, выше по реке. Может быть, кто-нибудь из вас его помнит. В качестве ответчика тогда выступала другая компания, но некоторые «игроки» в обеих «командах» были те же, что и здесь. И во время того процесса, как перед выборами жюри, так и после начала слушаний, имели место возмутительные попытки воздействовать на присяжных. Судья Харкин, разумеется, обо всем этом слышал, поэтому он так внимательно за нами следит. За нами следит множество людей.

Милли быстро обвела взглядом комнату и спросила:

– Кто?

– Обе стороны. – Николас решил играть честно, ибо в срыве предыдущих процессов были и вправду виноваты обе стороны. – И та и другая нанимают так называемых консультантов по отбору присяжных, они съезжаются со всей страны, чтобы помочь составить идеальное жюри. Идеальное – это, конечно же, не такое, которое будет работать честно и беспристрастно, а такое, которое вынесет нужный вердикт. Они начинают наблюдать за нами еще до того, как нас выбрали. Они...

– А как они это делают? – перебила его миссис Глэдис Кард.

– Ну, фотографируют наши дома и квартиры, наши машины, наших соседей, места службы, детей и их велосипеды, даже нас самих. Это все еще в пределах законности и этики, но на самой грани. Они также анализируют общественное мнение, проверяют такие вещи, как полицейские досье и сведения об уплате налогов, – словом, делают все, чтобы узнать о нас как можно больше. Они могут даже побеседовать с нашими друзьями, сослуживцами и соседями. Теперь это обычная практика, когда речь идет о крупных делах.

Все одиннадцать человек слушали во все уши, не отрывая глаз от Николаса и стараясь вспомнить, не замечали ли они каких-нибудь незнакомцев, прячущихся за углами с видеокамерами.

Николас отхлебнул кофе и продолжил:

– Когда жюри сформировано, они меняют приемы. Количество объектов наблюдения сокращается с двух сотен до пятнадцати человек, поэтому наблюдать за нами теперь гораздо легче. На протяжении всего процесса каждая из сторон держит в зале целую группу консультантов, которые неотступно наблюдают за нами и пытаются предугадать наши реакции. Обычно они занимают два первых ряда, хотя часто передвигаются по залу.

– А вы их знаете? – недоверчиво спросила Милли.

– Имен я, разумеется, не знаю, но этих людей нетрудно опознать. Они всегда хорошо одеты и не сводят с нас глаз.

– А я думал, эти ребята – репортеры, – сказал Отставной Полковник Фрэнк Эррера. Проиигнорировать такой разговор было выше его сил.

– А я ничего не заметил, – сказал Херман Граймз, и все, даже Пуделиха, улыбнулись.

– Понаблюдайте за ними сегодня, – предложил Николас. – Они обычно сидят за спинами своих уважаемых адвокатов. У меня отличная идея. Там есть женщина, которая почти наверняка является консультантом защиты. Ей около сорока, грузная, с густыми короткими волосами. До сих пор она каждое утро садилась в первом ряду позади Дурвуда Кейбла. Давайте выйдем и все дружно уставимся на нее. Все двенадцать человек. Будем просто очень пристально ее разглядывать и понаблюдаем за тем, как она пытается нас «разгадать».

– И я тоже? – спросил Херман.

– Да, Херм, и вы тоже. Просто поверните голову приблизительно в направлении десятичасовой стрелки, если ориентироваться по циферблату часов, и делайте вид, что смотрите на нее так же, как мы.

– Зачем нам играть в какие-то игры? – возразила Сильвия Тейлор-Тейтум – Пуделиха.

– А почему бы и нет? Что нам еще делать в предстоящие восемь часов?

– Мне идея нравится, – сказал Джерри Фернандес. – Может быть, они хоть после этого перестанут на нас глазеть?

– И как долго нужно смотреть? – спросила Милли.

– Ну, хотя бы пока судья Харкин будет зачитывать нам свое предупреждение об уважении к суду. Это займет минут десять.

Все более или менее охотно согласились с Николасом.

Лу Дэлл вошла точно в девять, и все покинули комнату присяжных. Николас держал в руках два журнала, одним из которых был «Спортс иллюстриейд» от 12 октября. Он шел рядом с Джерри Фернандесом до самого входа в зал, а когда присяжные начали гуськом проходить через дверь, он словно бы невзначай повернулся к своему новому приятелю и сказал:

– Хочешь что-нибудь почитать?

Журнал уперся Фернандесу в живот, и он машинально взял его, сказав:

– Конечно, спасибо.

Они вошли в зал.

Фитч ожидал увидеть журнал в руках у Фернандеса, но все же испытал шок. Он проводил взглядом номера двенадцатого, пробиравшегося на свое место во втором ряду. По пути сюда он взглянул на обложку журнала в газетном киоске неподалеку от суда и знал, что на ней в аквамаринном свитере изображен Марино, номер тринадцатый, с занесенной над головой кегельной клюшкой, изготовившийся к удару.

Впрочем, удивление вскоре сменилось озабоченностью. Эта девушка, Марли, работает снаружи, но в паре с кем-то, кто работает внутри жюри. Вероятно, в жюри есть не один, а два, три или даже четыре человека, которые поддерживают тайный контакт с ней. Это Фитчу было все равно – чем больше, тем лучше. Эти люди выходят на сцену, и он готов начать работать с ними.

Консультант носила фамилию Джинджер, она была из чикагской фирмы Карла Нассмена, участвовала уже в десятках процессов. Обычно она полдня проводила в зале суда, пересаживаясь во время перерывов с места на место и немного меняя внешность – то снимая очки, то сбрасывая жакет. Она была опытным профессионалом-физиономистом, ничто не проходило мимо ее взгляда. Пока жюри занимало свои места, Джинджер сидела в первом ряду позади адвокатов защиты, в нескольких футах от нее один из ее коллег просматривал газету.

Ожидая, когда судья Харкин обратится к присяжным с приветствием, что он не замедлил сделать, она смотрела на жюри. Большинство присяжных кивнули и улыбнулись судье, после чего все двенадцать, включая слепого, уставились прямо на нее. Человека два улыбались, остальные казались весьма озабоченными.

Джинджер отвела взгляд.

Судья Харкин упорно продвигался по своему нелегкому пути: один злобный вопрос следовал за другим – но очень скоро он заметил, что внимание жюри приковано к одному лицу в зале.

Присяжные дружно уставились в одну точку.

И тут Николас едва не издал победный клич: ему несказанно повезло. В левой стороне зала, позади адвокатов ответчика, сидело около двадцати человек, и позади Джинджер двумя рядами дальше он увидел массивную фигуру Рэнкина Фитча. Если смотреть из ложи при-

сяжных, он находился точно на той же линии, что и Джинджер, и с расстояния пятнадцати футов было почти невозможно точно определить, на кого именно уставилось жюри – на Джинджер или на Фитча.

Джинджер, разумеется, считала, что они смотрят на нее. Она достала какие-то бумаги и начала их просматривать, в то время как ее коллега-сосед поспешно пересел подальше.

Под взглядами двенадцати пар глаз Фитч почувствовал себя так, словно оказался раздетым. Капельки пота начали стекать у него между лопатками. Судья продолжал задавать вопросы. Несколько адвокатов тревожно оглянулись, чтобы увидеть, что происходит у них за спинами.

– Продолжайте смотреть, – тихо, почти не разжимая губ, командовал Николас.

Уэндел Рор тоже через плечо взглянул назад. Джинджер сделала вид, что завязывает шнурки на туфлях. Присяжные продолжали смотреть в одну точку.

Неслыханное дело, чтобы судья вынужден был просить присяжных не отвлекаться. У Харкина, правда, бывали такие случаи, но обычно речь шла о каком-нибудь бедолаге, который, утомившись от свидетельских показаний, впадал в сон и начинал сопеть. Поспешно закончив зачитывать перечень вопросов, Харкин громко сказал:

– Итак, дамы и господа, вернемся к показаниям доктора Милтона Фрике.

Джинджер внезапно понадобилось выйти в дамскую комнату, и, пока доктор Фрике входил в боковую дверь и занимал свое свидетельское место, она выскочила из зала.

Кейбл вежливо сообщил, что в порядке перекрестного допроса имеет честь почти задать доктору Фрике лишь несколько вопросов. Он не собирается спорить с ученым по научным проблемам, но хочет обратить внимание жюри на некоторые незначительные детали. Фрике признал, что не все виды поражения легких мистера Вуда могут быть отнесены к последствиям почти тридцатилетнего курения сигарет «Бристолз». Многие годы Джекоб Вуд работал в одном помещении с другими курильщиками. Можно ли отрицать, что некоторые виды поражения его легких могли оказаться результатом вдыхания дыма от их сигарет?

– Но причина все равно в курении, – напомнил доктор Фрике.

Кейбл с готовностью согласился.

А как насчет загрязнения воздуха? Возможно ли, что и загрязненность воздуха усугубила тяжелое состояние мистера Вуда? Доктор Фрике признал, что да, несомненно.

Кейбл задал опасный вопрос, и ученый не хотел заострять на нем внимание.

– Доктор Фрике, если рассматривать все возможные причины болезни легких Вуда – непосредственное курение, вдыхание дыма чужих сигарет, загрязнение воздуха и прочие, не упомянутые здесь, – можете ли вы сказать, какой именно процент поражения является следствием именно курения сигарет «Бристолз»?

Доктор Фрике подумал немного и сказал:

– Очень значительный.

– Насколько значительный – шестьдесят процентов, восемьдесят процентов? Пристало ли такому ученому, как вы, давать столь приблизительный ответ?

Не пристало, Кейбл это понимал. Он держал наготове двух экспертов, готовых представить контрдоказательства, если Фрике выйдет за рамки и ударится в слишком абстрактное теоретизирование.

– Боюсь, более точный ответ дать невозможно, – ответил Фрике.

– Благодарю вас. И последний вопрос, доктор. Какой процент курильщиков страдает от рака легких?

– Это зависит от того, на какие исследования опираться.

– Вы лично можете это определить?

– Я располагаю довольно достоверными сведениями.

– Тогда ответьте на вопрос.

– Около десяти процентов.

– У меня больше нет вопросов.

– Доктор Фрике, вы свободны, – сказал Его честь. – Мистер Рор, пожалуйста, вызовите своего следующего свидетеля.

– Доктор Роберт Бронски.

В тот момент, когда свидетели проходили друг мимо друга перед судейской скамьей, Джинджер прошмыгнула обратно в зал и села в заднем ряду, как можно дальше от логи жюри. Фитч воспользовался коротким перерывом, чтобы уйти. Выйдя на крыльцо, он подошел к Хосе, и они заспешили прочь от здания суда в свою грошовую лавку.

Бронски тоже был высокообразованным исследователем в области медицины, удостоенным почти стольких же званий и опубликовавшим почти столько же трудов, сколько Фрике. Они хорошо знали друг друга, поскольку вместе работали в Рочестерском исследовательском центре. Рор с наслаждением представил присутствующим его великолепный послужной список. После того как все признали Бронски экспертом, тот обратился к клиническим проблемам.

Табачный дым чрезвычайно сложен по составу, к настоящему моменту в нем обнаружено до четырех тысяч составляющих. Шестнадцать известных науке канцерогенов, четырнадцать алкалоидов и множество иных веществ, обладающих биологической активностью, входят в его состав. Табачный дым – это смесь газов, находящихся в воздушно-капельном состоянии. Когда человек вдыхает его, около пятидесяти процентов дыма попадает ему в легкие, а часть капелек задерживается на стенках бронхов.

Два адвоката из команды Рора быстро установили в центре зала стенд, и доктор Бронски, покинув свидетельское место, проследовал к нему, чтобы продолжить лекцию. Первая таблица представляла компоненты табачного дыма. Бронски не стал перечислять их все, поскольку в этом не было нужды: каждое название звучало устрашающе, а собранные вместе, они производили и вовсе убийственное впечатление.

На следующей таблице были собраны все известные канцерогены, и Бронски кратко охарактеризовал каждый из них. В дополнение к этим шестнадцати, сказал он, постукивая кончиком указки по левой ладони, в табачном дыме могут быть и другие, еще не опознанные. Вероятно также, что два или несколько из здесь приведенных, взаимодействуя, могут усиливать вероятность возникновения рака.

На канцерогены ушло все утро. С каждой новой таблицей Джерри Фернандес и прочие курильщики чувствовали себя все хуже и хуже, а Пуделиха Сильвия к обеденному перерыву была близка к помешательству. Не удивительно, что, прежде чем сесть за стол вместе с остальными, они отправились в «курильную нору», как называла ее Лу Дэлл, чтобы успокоиться.

Обед поспел вовремя, и, очевидно, критика была учтена: на столе стояли фарфоровые тарелки, а чай со льдом был разлит в стеклянные стаканы. Некоторым мистер О’Рейли предлагал сделанные специально по их заказу сэндвичи, для остальных открывал судки с дымящимися овощами и пастой. Николас никакой благодарности не выказал.

Фитч с двумя консультантами находился в просмотрном зале, когда она позвонила снова. Конрад нервно постучал в дверь, хотя без особого разрешения Фитча запрещалось даже приближаться к залу.

– Это Марли. Четвертая линия, – прошептал Конрад, и Фитч на мгновение застыл от этой новости. Потом быстро прошел по коридору в свой кабинет.

– Засеки, – приказал он Конраду.

– Мы готовы.

– Не сомневаюсь, что это опять будет автомат.

Фитч нажал кнопку «4» на аппарате и, сняв трубку, сказал:

– Алло!

– Мистер Фитч? – произнес уже знакомый голос.

– Да.

– Вы знаете, почему они на вас так смотрели?

– Нет.

– Я скажу вам завтра.

– Скажите сейчас.

– Нет. Потому что вы засекаете звонок. И если вы будете продолжать засекаать мои звонки, я перестану вам звонить.

– Хорошо, я распоряжусь прекратить.

– И вы думаете, что я вам поверю?

– Чего вы хотите?

– Позже, Фитч. – Она повесила трубку. Фитч снова прослушал разговор, ожидая, пока ему принесут информацию о том, откуда произведен звонок. Конрад подтвердил, что звонили опять из автомата, на сей раз расположенного в торговом центре «Готье», что в тридцати милях от них.

Фитч упал в массивное вращающееся кресло и с минуту глядел в стену.

– Сегодня ее в зале не было, – тихо произнес он вслух, дергая себя за бородку. – Откуда же она могла знать, что они на меня глазели?

– Кто глазел? – поинтересовался Конрад. В его обязанности не входило присутствие в суде. Он вообще никогда не покидал лавку. Фитч рассказал ему о странном эпизоде, случившемся утром.

– Так кто же ей сообщил? – спросил Конрад.

– В том-то и вопрос.

Вторая половина дня была посвящена никотину. С половины второго до трех, а потом с половины четвертого до окончания заседания в пять часов присяжные узнали о никотине больше, чем хотели: это яд, содержащийся в табачном дыме. В каждой сигарете от одного до трех миллиграммов никотина, и у курильщиков, которые вдыхают дым, вроде Джекоба Вуда, до девяноста процентов никотина остается в легких. Большую часть лекции доктор Бронски провел стоя, указывая на разные части тела, красочно изображенные в натуральную величину на плакате, прикрепленном к стенду. Он подробно объяснил, как никотин вызывает сужение кровеносных сосудов в конечностях, в результате чего происходит повышение давления, учащается пульс и затрудняется сердечная деятельность. Никотин также исподволь, сложным образом воздействует на кишечный тракт. Он может вызывать тошноту и рвоту, особенно у начинающих курильщиков. Секреция слюнных и желчных желез сначала стимулируется, а потом подавляется. Никотин действует как стимулятор и на центральную нервную систему. Бронски был методичен, но искренен, одна-единственная сигарета в его изображении превращалась в смертельную дозу яда.

Но худшим свойством никотина является его способность вызывать привыкание. Последний час – опять-таки хитро спланированный Рором – был потрачен на то, чтобы убедить присяжных в том, что к никотину очень легко привыкают – это известно науке уже четыре десятка лет.

Содержание никотина легко менять в процессе изготовления сигарет.

Если – Бронски подчеркнул слово «если» – уровень никотина в сигаретах повысится, курильщик, естественно, гораздо быстрее станет зависим. А чем больше курильщиков, попавших в такую зависимость, тем больше продается сигарет.

Это был прекрасный заключительный аккорд для завершения дня.

Глава 9

Во вторник утром Николас появился в комнате присяжных пораньше, когда Лу Дэлл варила первый кофейник декофеинизированного кофе и раскладывала по блюдам свежие рогалики и пончики. На столе сверкал новенький кофейный сервиз – результат деятельности Николаса: он объявил, что терпеть не может пить кофе из пластмассовых стаканчиков. К счастью, его поддержали в этом двое коллег. Список претензий без проволочек был утвержден судьей Харкином.

Как только Николас вошел в комнату, Лу Дэлл поспешила закончить свои дела. Он улыбнулся и любезно поприветствовал ее, но она не забыла их предыдущих стычек. Николас налил себе кофе и развернул газету.

Как и предполагал Николас, отставной полковник Фрэнк Эррера прибыл в самом начале девятого, почти за час до требуемого срока, с двумя газетами в руках, одной из которых была «Уолл-стрит джорнэл». Он хотел побыть в комнате один, но вымученно улыбнулся Николасу.

– Привет, полковник, – тепло приветствовал его Николас. – Вы сегодня рано.

– Так же, как и вы.

– Да, мне не спалось. Все снились никотин и черные легкие. – Газета Николаса была открыта на спортивной странице.

Эррера размешал сахар в чашке и сел за стол напротив Николаса.

– Во время службы в армии я курил десять лет, – сообщил он. Даже сидя за столом, он сохранял военную выправку: грудь колесом, подбородок кверху. – Но я осознал необходимость бросить.

– Есть люди, которым это не удается. Например, Джекоб Вуд.

Полковник презрительно фыркнул и раскрыл газету. Для него расставание с вредной привычкой было всего лишь вопросом силы воли. Если голова решила, тело подчинится.

Перевернув страницу, Николас спросил:

– А зачем, собственно, бросать?

– Потому что это вредно. Не нужно быть гением, чтобы это понять, знаете ли. Сигареты убивают. Это известно каждому.

Если бы Эррера был столь же безапелляционен, отвечая на две предварительные анкеты, он бы не сидел сейчас здесь. Николас прекрасно помнил те вопросы. То, что Эррера чувствовал себя теперь так уверенно, могло означать лишь одно: он хотел войти в жюри. Отставной военный, которому, вероятно, надоел гольф, осточертела жена, которому хотелось заняться чем-нибудь новым и у которого, вероятно, на что-то был зуб.

– Значит, вы думаете, что сигареты следует запретить по закону? – спросил Николас. Этот вопрос он тысячу раз задавал, стоя перед зеркалом, и отрепетировал свою реакцию на любой ответ.

Эррера медленно отложил газету и долго пил кофе.

– Нет. Я думаю, что человек должен сам соображать, насколько опасно курить по три пачки в день в течение тридцати лет. Чего он ждал, черт возьми? Что запас здоровья беспределен? – Полковник говорил с сарказмом, и не оставалось сомнений, что он вошел в жюри с вполне определенными намерениями.

– Когда вы пришли к такому выводу?

– Вы что, тупой? Нетрудно сосчитать.

– Если таковы ваши убеждения, то вы наверняка не высказывали их открыто во время *voir dire*?

– Что такое *voir dire*?

– Процедура отбора присяжных. Нам ведь задавали именно такие вопросы. Не припоминаю, чтобы вы тогда говорили нечто в этом роде.

– И не собирался.

– Но вы были обязаны.

Эррера покраснел: этому парню, Истеру, известны законы, по крайней мере лучше, чем остальным. Вероятно, он поступил неосмотрительно, и не исключено, что Истер может донести на него и вышибить из жюри. Быть может, его могут даже арестовать, отправить в тюрьму и наложить крупный штраф.

Но потом полковника осенило: им ведь не разрешается обсуждать обстоятельства дела, не так ли? Как же Истер сможет донести на него судье без риска самому попасть в беду? Эррера немного расслабился.

– Постойте-постойте, вы собираетесь стоять насмерть за такой приговор, чтобы множество людей оказались сурово наказанными?

– Нет, мистер Эррера, в отличие от вас я еще не решил. Мы пока выслушали трех свидетелей, все свидетельствовали в пользу истицы, нам предстоит услышать еще много другого. Я подожду, пока обе стороны представят свои аргументы, и лишь потом постараюсь разобраться. Полагаю, именно так мы обещали действовать.

– Да, конечно, я тоже. Меня, знаете ли, можно убедить. – Он вдруг с преувеличенным интересом стал просматривать газету.

Дверь резко распахнулась, и в комнату, постукивая перед собой палкой, вошел мистер Херман Граймз в сопровождении супруги и Лу Дэлл. Николас привычно встал, чтобы налить ему чашку кофе, это стало уже традицией.

Фитч сидел, уставившись на телефоны, до девяти. Она сказала, что, вероятно, позвонит сегодня.

Она не только играет в какую-то игру, но, похоже, и совет – недорого возьмет. У него не было ни малейшего желания снова оказаться под прицелом глаз присяжных, поэтому он запер свой кабинет и отправился в просмотрный зал, где в темноте сидели два эксперта, наблюдая за искаженной картинкой зала суда: кто-то сбил ногой чемодан Макэду, и камера сместилась футов на десять в сторону. Присяжные номер один, два, семь и восемь выпали из поля зрения, а Милли Дапри и Рикки Коулмен были видны лишь наполовину.

Жюри к этому времени сидело в своей ложе уже минуты две, и Макэду, прикованный к месту, не мог воспользоваться своим сотовым телефоном. Он не знал, что чья-то лапа сбила под столом не тот чемодан. Фитч выругался, глядя на экран, и, вернувшись в кабинет, нацарапал записку. Он отдал ее хорошо одетому посыльному, который тут же бросился в суд под видом одного из юных служащих и незаметно подсунул записку на стол адвокатов защиты.

Камера сдвинулась влево, и на экране снова появилось жюри в полном составе. Однако Макэду толкнул чемодан чуть сильнее, чем требовалось, и срезал половину Джерри Фернандеса и Энджелы Уиз, присяжной номер шесть. Фитч снова выругался. В первом же перерыве надо вызвать Макэду на связь.

Доктор Бронски, отдохнувший, был готов ко второму дню углубленных объяснений механизма разрушительного действия табачного дыма. Покончив с канцерогенами, содержащимися в нем, и с никотином, он собирался перейти к следующим составным, представляющим медицинский интерес, – к отравляющим веществам раздражающего действия.

Рор подавал товар лицом: Бронски пикировал на зал с научной высоты. В табачном дыму содержится множество компонентов: аммиак, сложные эфиры, альдегиды, фенолы, кетоны – все они оказывают раздражающий эффект на слизистую оболочку. Бронски снова покинул свидетельское место и подошел к новому плакату, на котором была изображена

схема верхней части человеческого тела и голова. Присяжные могли видеть дыхательные пути, гортань, бронхи и легкие. В этой части тела под воздействием табачного дыма начинает усиленно вырабатываться секреция слизистой. В то же самое время табачный дым замедляет отделение слизи, подавляя деятельность ресничного покрова бронхиальных путей.

Бронски оказался большим мастером, не избегая медицинской терминологии, делать свою речь понятной для непосвященных и абсолютно доходчиво объяснил, что происходит в бронхах, когда курильщик вдыхает дым. Две другие большие диаграммы были установлены перед судейской скамьей, и Бронски со своей указкой перешел к ним. Он объяснил присяжным, что дыхательные пути выстланы изнутри тонкой пленкой, снабженной тончайшими, похожими на волоски волокнами, которые называют ресничками. Они пребывают в синхронном волнообразном движении и способствуют выводу слизи на поверхность пленки. Именно благодаря движению этих ресничек легкие очищаются буквально от всех шлаков, которые попадают в них в процессе дыхания.

Курение, разумеется, катастрофически нарушает этот процесс. Убедившись, насколько возможно, в том, что присяжные поняли действие этого механизма, Бронски и Рор быстро перешли к объяснению того, как курение нарушает процесс фильтрации и разрушает таким образом всю дыхательную систему.

Лекция о слизи, оболочках и ресничном покрове продолжалась.

Первым открыто зевнул Джерри Фернандес, сидевший в заднем ряду. Вечер понедельника он провел в казино, где, наблюдая футбольный матч по телевизору, выпил больше, чем намеревался. Он выкуривал две пачки в день и прекрасно отдавал себе отчет в том, что курение вредно для здоровья. Тем не менее сейчас ему требовалось покурить.

За ним начали позевывать и другие, и судья Харкин отправил их на долгожданный двухчасовой обеденный перерыв.

Идея прогулки по центру Билокси принадлежала Николасу, в понедельник он изложил ее в письме на имя судьи. Он написал, что абсурдно держать их взаперти в маленькой комнате целый день, не давая возможности подышать свежим воздухом. Едва ли им грозило нападение или посягательство со стороны тайных злоумышленников, если они пройдутся по улице. Приставьте к нам Лу Дэлл с Уиллисом, дайте им в помощь еще одного сонного охранника, обозначьте маршрут, скажем, шесть-восемь кварталов, запретите присяжным, как обычно, разговаривать с кем бы то ни было и дайте расслабиться полчаса после обеда – это будет способствовать пищеварению. Идея показалась безобидной, и по зрелом размышлении судья Харкин выдал ее за свою.

Однако Николас показал письмо Лу Дэлл, и к концу обеда она объяснила присяжным, что благодаря стараниям мистера Истера, написавшего письмо судье, им предоставлена прогулка. В конце концов, это такая скромная просьба – позволить им погулять без уздечки.

Было не жарко, воздух свеж и прозрачен, деревья только начинали желтеть. Лу Дэлл и Уиллис шли впереди, четверо курильщиков – Фернандес, Пуделиха, Стелла Хьюлик и Энджела Уиз – плелись в хвосте, наслаждаясь глубокими затяжками и протяжно выдыхая дым. К черту Бронски с его слизистыми оболочками, к черту Фрике с его устрашающими снимками почерневших легких Вуда. Вот она, свобода. Солнечный свет, морской воздух – идеальная обстановка для курения.

Фитч послал Дойла и местного сыщика по имени Джо Бой сфотографировать их всех с безопасного расстояния.

Во второй половине дня Бронски истощился. Куда девался его талант просто излагать сложное? Присяжные теперь даже не старались внимательно следить за его речами. Искусные и, судя по всему, весьма дорогие картинки и диаграммы со всеми частями человеческого тела, названиями компонентов и ядов смешались в кучу. Не требовалось даже советоваться с

высококвалифицированными и баснословно высокооплачиваемыми консультантами, чтобы понять, что присяжным все это надоело и что Рор попал в ловушку, от которой не застрахован ни один адвокат, – он перестарался.

Его честь пораньше, в четыре часа, объявил об окончании заседаний, сославшись на то, что суду необходимо проделать некоторую работу, не требующую участия присяжных. Он отпустил жюри с обычными строгими наставлениями и предупреждениями, которые они почти уже выучили наизусть. Присяжные с восторгом улизнули.

Лонни Шейверу было особенно необходимо уйти пораньше. Он отправился напрямик в свой супермаркет, находившийся в десяти минутах езды, припарковал машину на служебной стоянке позади здания и быстро прошел внутрь через складские помещения, втайне надеясь застукать нерадивого кладовщика, прикорнувшего возле ящиков с салатом-латуком. Кабинет Шейвера находился наверху, над молочным и мясным отделами, и с помощью двухстороннего зеркала он мог наблюдать за большей частью нижнего зала.

В торговой сети, состоявшей из семнадцати магазинов, Лонни был единственным чернокожим управляющим. Он зарабатывал сорок тысяч долларов в год, имел медицинскую страховку и неплохие виды на пенсию. В ближайшие три месяца он ожидал повышения. Ему также дали понять, что в будущем он может рассчитывать на должность управляющего региональной сетью, если хорошо зарекомендует себя на нынешнем посту. Компания заинтересована в том, чтобы продвинуть чернокожего служащего, сказали ему, однако все эти договоренности были сугубо устными.

Кабинет Лонни был постоянно открыт, и в нем всегда находился кто-нибудь из полудюжины подчиненных. Встретившийся помощник управляющего, поздоровавшись, кивком указал на дверь, ведущую в большую комнату, которая служила для всего – для празднования дней рождения, для собраний служащих, приема начальников.

– У нас гости, – нахмурившись, сообщил помощник.

– Кто там? – помешкав немного, глядя на закрытую дверь, спросил Лонни.

– Начальство. Хотят вас видеть.

Лонни постучал в дверь, одновременно открывая ее. В конце концов, здесь он хозяин. Трое мужчин в рубашках с закатанными по локоть рукавами сидели за дальним концом стола, заваленного кипами документов и компьютерных распечаток. Они смущенно встали.

– Лонни, рад видеть вас, – сказал Трой Хэдли, сын одного из владельцев, единственный знакомый среди присутствовавших. Поздоровавшись за руку, Трой поспешно представил остальных. Их звали Кен и Бен, фамилий Лонни с первого раза не запомнил. Было задумано так, что Лонни сядет в кресло, которое Хэдли охотно освободил, а Кен и Бен окажутся по обе стороны от него.

Явно нервничая, Трой приступил к беседе:

– Ну как присяжная служба?

– Да ну ее!

– Правильно. Послушайте, Лонни, вот зачем мы приехали. Бен и Кен из компании «Суперхаус», она владеет широкой сетью магазинов, и отец с дядей по целому ряду причин решили продать свою торговую сеть «Суперхаусу». Вся сеть, целиком. Все семнадцать магазинов и три склада.

Лонни заметил, что Кен и Бен внимательно наблюдают за ним, поэтому постарался выглядеть абсолютно невозмутимым, даже слегка пожал плечами, словно бы говоря: «Ну и что?» На самом деле это было для него малоприятной неожиданностью.

– Почему? – сумел выдавить он.

– Причин много, назову две главные. Моему отцу шестьдесят восемь лет, а Эл, как вы знаете, только что перенес операцию. Это первая причина. Вторая состоит в том, что «Суперхаус» предлагает честную цену. – Он потер руки, показывая, что не может позволить

себе потерять такие деньги. – Самое время продать компанию, Лонни, – вот так, просто и откровенно.

– Я удивлен, никогда не думал...

– Вы правы. Сорок лет в торговом бизнесе – от родительской овощной лавки до торговой сети, охватывающей пять штатов и имевшей в прошлом году шестимиллионный оборот. – Потуги Троя на сентиментальность были абсолютно неубедительны. И Лонни знал почему. Трой, безмозглый болван, сынок богатых родителей, только и умеет что играть в гольф, делая при этом вид, будто именно он хозяин компании, который может продвинуть, а может и выгнать любого коленкой под зад. Его отец и дядя вынуждены продать компанию потому, что в ближайшие годы бразды правления окажутся в руках Троя и сорок лет тяжкого труда и экономии пойдут коту под хвост: все будет спущено на спортивные яхты и недвижимость на побережье.

В наступившей паузе Бен и Кен продолжали изучать Лонни. Одному из них было лет сорок пять: немодно стриженный, с батареей шариковых ручек, торчащих из нагрудного кармана. Вероятно, это Бен. Другой – помоложе, с узким лицом, на вид типичный исполнитель: хорошо одет, взгляд тяжелый. Лонни понял, что теперь его черед что-нибудь сказать.

– Этот магазин будет закрыт? – почти с отчаянием спросил он.

Услышав вопрос, Трой аж подскочил.

– Иными словами, вы хотите знать, что будет с вами? Что ж, позвольте мне заверить вас, Лонни, что я дал вам самую лестную рекомендацию, коей вы действительно заслуживаете, и энергично советовал оставить вас на нынешней должности. – То ли Бен, то ли Кен едва заметно кивнул. Трой потянулся за плащом. – Однако теперь это уже не мне решать. Я отхожу в сторонку, чтобы вы, ребята, могли все обговорить между собой. – И, не дав никому опомниться, Трой исчез.

Почему-то его поспешный уход вызвал улыбки на лицах Кена и Бена. Лонни поинтересовался:

– У вас есть визитки?

– Конечно. – Оба достали из карманов визитные карточки и пустили их через стол. Тот, что постарше, был Бен, помоложе – Кен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.